МИКРОФИЛЬМ
7-39а

19.1.9.115

РОССІЙСКІЙ МАГАЗИНЪ

трудами

Ѳеодора Туманскаго.

МАІЙ

1793 года.

вторыя части книжка третья.

Во градѣ Святаго Петра.

вѣ письменопечатнѣ І. К. Шнора.

ЗАЛА
ШКАФЪ
ПОЛКА №

ОГЛАВЛЕНІЕ
на сей мѣсяцъ.

Продолженіе Малороссійскаго Лѣтописца.

стран.

I. Повѣсть о Збаражской и Зборовской побѣдѣ надъ Поляками - - - - - 209

II. Повѣсть, какъ Хмельницкій послѣ Зборовскихъ пунктовъ для пробы послалъ Митрополита Кіевского на Сеймъ занять мѣсто въ Сенатѣ 223

III. Повѣсть о походѣ Козаковъ на Волохи; и о Комисарахъ Польскихъ - - - - 225

IV. Повѣсть, которая причина была войнѣ Берестецкой - - - - - - - 241

V. Повѣсть о войнѣ Берестецкой - 247

VI. Повѣсть, что подъ Бѣлою церковью Ляхамъ было; и какій миръ былъ съ ними - 254

VII. Повѣсть о войнѣ у Батога - 260

VIII. Повѣсть о войнѣ Жванецкой, которая была въ 1653 году - - - - 267

IX. Повѣсть: чего ради Хмельницкій поддался Великому Россійскому Монарху на войнѣ Дражипольской, 1654 года - - - 272

X. Продолженіе изъясненія Малороссійскихъ реченій - - - - - - 289

Продолженіе Малороссійскаго Лѣтописца. (зри часть II. стран. 97.)

XIV.

Повѣсть о Збаражской и Зборовской побѣдѣ надъ Ляхами, року 1649.

Тѣмъ временемъ Хмельницкій Полковниковъ по всей Украинѣ опредѣлилъ, Чигиринскому же полку самъ полководецъ былъ; а Черкаскій Полковникъ: Воронченко; Переясловскій: Лобода; Каневскій: Кушай; Браславскій: Нечай; Бѣлоцерковскій: Искра; Уманскій: Степка; Корсунскій: Морозъ; Кальницкій: Остапъ; Гадяцкій: Бурлай; такожде и въ прочіихъ городкахъ. И о томъ всемъ Янъ Казимиръ Король извѣстясь, повелѣлъ въ Журлеевъ войску Польскому до времени стегатись, и собралось Ляховъ многое число въ року 1649. А когда въ пришедшую весну теплота и трава явилася, и Козацкое войско собираться начало, на Поляки нападали и по различныхъ мѣстахъ разграбляли и разгоняли, и вскорѣ самъ Ханъ Кримскій съ Татарами къ Хмельницкому пришелъ, въ перьвое отъ начатка войны; обозъ же Лядскій тогда подъ Константиновымъ стоялъ. Тамъ когда извѣщено о недалекомъ Хмельницкого отсутствіи, заразъ ошибъ Ляховъ страхъ, такій, что всѣ

Гос. публичная библ. Ленинград

до утеку начали себе приуготовляти и самыи первѣйшіи, которыи казалися быти смѣлыи и крѣпкіи, и которымъ же война кровію въ шинковныхъ дворахъ 216) кипѣла, и за столомъ и Александровъ побивали, тѣмъ тогда лице поблѣднѣло и руки ослабѣли, того ради вспять помаршировали обозомъ подъ Чолганскій камень, и оттуду пришли подъ Збаражъ, но и тамъ при крѣпкомъ изъ камня тесаннаго устроенномъ городѣ боялися очень; къ тому еще найбольшую чинило трудность имъ: Гетманы ихъ межъ собою раздвоилися и были неодносовѣтны; и когда на подѣздъ послали Гулевича подъ Вышь-городокъ, но они товарищи и день и ночью пошли ненадежно на Татаръ, тотъ часъ отъ единаго страха токмо всѣ побѣгли, гдѣ и Душинскій и Бѣляховскій свои хоругвы погубили 217) и по тому день отъ дня отчаявалися въ силѣ своей. Да тогдажъ по случаю ударилъ громъ и разбилъ копіе у хорогви Гетманской, изъ чего провѣщевая о бѣдѣ своей прежде времени убоялися Поляки, и буде бы не пришелъ до обозу Князь Вишневецкій всѣ побѣглибъ. Послѣ того въ Субботу мѣсяца Юлія 10, когда войско Козацкое съ Татарами пришло къ Ляхамъ въ гостину, и увидѣвши они извели полки свои противъ Козаковъ, а обозъ начали сносити валомъ, и была баталія великая; когда же Хмельницкій съ Ханомъ въ вечеръ пришли,

то Поляки мало пождавъ затворилися въ обозѣ. И тако нѣсколько недѣль воюя изъ обоихъ сторонъ многіи пропали. Не могучи же Поляки за умаленіемъ войска валу обняти, меньшіи другіи валы поробили и въ ночи вошли въ оныи. Послѣ сего когда недоставало и Ляхамъ, ни конямъ ихъ живности, самы кони свои Козакамъ выгнали и пѣши въ окопѣ заключилися. А нѣкотораго дня пришолъ Шеверкошенада, перьвый писарь Ханскій, и взывая Ляховъ, аки бы для примирія, и къ которому выѣхавъ Князь Вишневецкій и съ Хоружимъ Короннымъ, и въ разговорѣ началъ Вишневецкій совѣтовати ему: дабы отступили отъ Хмельницкого Татаре; но ничего изъ того не произошло. Такожде и до Хмельницкого былъ присланъ Кисѣль, староста Черкаскій, которому Хмельницкій предложилъ: дабы за окупъ своихъ всѣхъ головъ пожитки при нихъ будучіе Татарамъ отдали, а ему арматы и оружіе, хоругви и бубны положили, и такъ съ душами будутъ вольны; чего Ляхи ни якою мѣрою учинити не похотѣли и поколь ихъ станетъ обѣщалися отбиватися. Того ради Хмельницкій всѣми двигнулъ силами и ударилъ на Лядскіи окопы и многіи востреемъ меча отъ обоихъ сторонъ порубаны, и будучи Ляхи въ тѣснотѣ изходили изъ обоза нуждныхъ ради потребъ въ полѣ, и сихъ много паче Татаре посѣкли;

а по многихъ хитростяхъ военныхъ самъ Хмельницкій велѣлъ окопати ихъ валомъ и стѣснилъ такъ, что уже послѣдняя имъ приближилась нужда; ибо отъ рововъ своихъ Козацкихъ великую шкоду Ляхомъ и бѣду смертную чинили; не возможно имъ было и поднести головы. Тамъ убито изъ начальнѣйшихъ (бывшихъ) Лядского войска збройного: Сераковского, Сваршевского, Цеклинского, Злотского, Держка, Галайма, Подгородинского, и иныхъ многихъ, и на базарѣ Лядскомъ не единъ пошлину заплатилъ головою, и воды бѣдный не напился безъ кровавой заплаты, но и ту съ червіемъ и съ ропою отъ рупія пили Поляки, испощили же и живность всякую, чего для сталъ голодъ великій и начали ѣсть конскіи мяса, кошечіи, песіи и мышіи; и уже ослабѣли руки и изнемогали силы и многіи померли голодною смертію, живіи же не могли ни оружій подняти, а другіи кусали землю стеклую зубами, и такъ свой обозъ много попорожнили; за чемъ въ третіе еще меньше окопы подѣлали, и въ ночи во оныи входити начали было, что Козаки услышавъ на Ляховъ ударили, и много обозу оторвали, и замкнули ихъ яко въ тѣсной темницѣ, да и пороху до стрѣльбы не было уже у нихъ, и приходили ко послѣднему злу. Къ тому жъ Козаки примножая большого бѣднымъ облежанцамъ озлобленія до-

садами ихъ укоряли: „отъ де вамъ бочко-
„вое, роговое, аренды, ставщизны, пан-
„щины, пересуды и сухомельщины; да до-
„колѣ будете куштуши 218) по шанцехъ
„мазати? понеже и то наши; и сами вы уже
„ясарь Ташарамъ голоднымъ, да до кіихъ
„порь удержитеся? се видите якъ по
„стройной музыцѣ Козаки въ дудку вамъ
„зайграли?„ Смотряже Князь Вишневецкій,
что Польское войско голодомъ и моромъ
изнемогаетъ уже вельми, вымыслилъ письмо,
аки бы нѣкій шляхтичъ изъ Хмельницкого
обозу стрѣлою кинувъ въ городъ Збаражъ;
извѣщая о Королѣ недалече, и совѣтуя сто-
яти противъ Козаковъ крѣпко, и будто
Хмельницкій съ Ташарами убоявся и бѣжа-
ти намѣреваетъ; а онъ въ то время началъ
обозъ свой перевозити подъ старый Зба-
ражъ, хотячи Ляховъ тѣмъ обманути, да-
бы такъ ишедшихъ жизности ради на его
обозы, припаенные Козаки порубати могли;
однакъ Ляхи вѣдая на себе таковыи сѣти
не дерзали изходити изъ города. Потомъ
и отшуду яко бы уже всѣмъ обозомъ въ
ночь рушилъ Хмельницкій и саморучь мажи
219) съ потребами до шпурму проводя ве-
лѣлъ Козакамъ между собою, чтобъ Ляхи
въ окопахъ чули, голосно 220) говорити:
„рушай, минай, не зближайся къ Лядскимъ
„шанцамъ, уже ихъ не станемъ добуваши„„
и инныи до порушенія належныи, примѣромъ

ушеку, говорити рѣчи: „что яко бы о Коро-
„лю на отсѣчь идучому извѣстилися.„ Ажъ
все шее увидѣли Ляхи, что шанцы выше
ихъ головъ стали, и приправленныи на кон-
вицахъ въ землѣ и въ дерну драбины 221)
до штурму къ горѣ стоячіи и блякавцы
какъ гора, зъ которыхъ могли до одной
души облеженцевъ выбити, и такъ сбли-
жившися желѣзными крюками съ валу Ля-
ховъ крали, и скачучи на валъ хоругвы Лядс-
кіи хватали, и самихъ забивали. И сію
крайную свою згибель видячи Ляхи совѣ-
товали, какъ бы послати до Короля съ
прошеніемъ прихода Его на помочь имъ въ
такой нуждѣ, и многіи славы ради хотѣли
таковую смѣлость показати, чтобъ отне-
сти писаніе Королю, но ни единъ съ та-
ковыми письмами не убѣжавъ рукъ Козац-
кихъ; однакожъ шляхтичъ во рейтарской
одеждѣ переплывъ рѣку добою ночною 222)
и лѣзучи на черевѣ войско Хмельницкого
прошолъ и пошолъ ночью, а въ день хво-
ростомъ зеленымъ себе отыкавши лежалъ
до ночи, и таковымъ промысломъ пришолъ
до Короля, и при доношеніи отъ облежен-
цовъ извѣстилъ всѣ бѣды Збаражскія. Ко-
роль же Казимиръ скорбѣлъ: что не мо-
жетъ скоро пріити туда, одно за собра-
ніемъ войска нескорымъ, другое за повсе-
дневнымъ дождемъ, однакожъ съ многимъ
трудомъ и страхомъ Король ишолъ, и уже

не дуже 223) далеко отъ Зборова былъ, вѣдомости же ни единой о Хмельницкомъ имѣлъ; той бо еще прежде вся потребная войску обмысливъ, запретилъ подъ смертною казнью, чтобъ никто не дерзалъ изъ обозу выходити; Король же съ двадцатьми тысячьми самого избранного войска Польскаго шолъ, опредѣлилъ Осолинского, Великого Канцлера, перьвымъ войску Генераломъ, и всѣ ступали своимъ строемъ на войну готовы, такожде и всѣ по рушенямъ Рѣчи Посполитой. И тогда войско свое Король словами увѣщевалъ: дабы за честь и отечество свое до смерти стояли, не какъ подъ Пилявцами стыдъ и поношеніе вѣчное роду Польскому сдѣлали, и буде бы кто посмѣлъ утекати, таковъ не имѣетъ чести видѣти во вѣки. Такимъ устроеніемъ и Королевскими словами утвержденны мужественно противъ Хмельницкого маршировали, имѣя добрую стрежъ и послухи предъ собою. И когда пришли къ Езерной и начали болото переходити стражи прибѣгли съ поля вѣдомости подая о Хмельницкомъ. Хмельницкій оставивъ подъ Збаражемъ пѣшое войско, самъ съ комонникомъ 225) и съ Татарами напротивъ Короля пошолъ, и тамъ подъ обозъ Королевскій тихо подступилъ, что когда одна часть обоза переходила болото съ трудомъ, а другая оставалась по заду, тогда

Хмельницкій усмотрѣвъ погодное время и ударилъ всѣми силами на обозъ, и взялась битва великая, Польское войско разорвавшись, за Польскою конницею, и тѣхъ порубали, не имѣли бо Ляхи гоненія куда прибѣжати. Тамъ убитъ зосталъ Тишковичъ, перьвѣйшій Генералъ; Осолинскій; Репинцкій; Ужендовскій; Захарій Четвертинскій; Северинъ, Хоружій Подольскій; Кошовскій; Хоцимирскій; Полковникъ Мясовскій; Подкоморый Львовскій Гдешинскій; Брозовскій; даже до пяти тысячь, и инные великородные господа; а при нихъ Шляхтѣ Львовской, Премышльской, Савецкой полки побиты, которыхъ опровадивши бѣдныя жоны на войну, болѣе уже не увидѣли; и сего ради въ Польшѣ вдовъ и сиротъ и пустыхъ домовъ безъ числа стало: ибо трупомъ на милю устлалося поле, для того что при Королевскихъ очахъ хотѣлъ всякъ славы или булавы доставати и ничего недоставъ смертію тое нагородилъ. И такъ войско Хмельницкого корысти отбирало; Король же паки войско оставшееся устроивъ до баталіи поступати велѣлъ, но Хмельницкій съ Татарами обратился на рогъ лѣвый и такъ Ляхамъ сталъ силенъ, что начали уступати образомъ Пилявецкой войны. Тогда Король просилъ со слезами, дабы не дѣлали себѣ стыда утѣкомъ, и тѣмъ Ляхи ободрившися учинили немалую битву въ

ной день. Потомъ облягъ войскомъ своимъ Хмельницкій Ляховъ тѣсно такъ что ни одному бѣжати не возможно было и битися болѣе; мѣсто же было неудобно къ брани и тѣсно; къ тому и обоза ихъ половину взяли Козаки, чего ради и хлѣба начиналась скудость; и уже будучи какъ въ сѣти, стали Король съ Енералами своими совѣтовати, гдѣ многи совѣтовали, дабы оставя обозъ и слуги, Короля токмо увести: сказовали бо лучше пропасти всѣмъ удамъ, толкобъ голова здорова была: другіи же радили къ Хану грамоту проситѣльную подати, дабы отступилъ отъ Козаковъ и на томъ совѣтѣ утвердилися. Грамота же въ такой формѣ написана:

ЯНЪ КАЗИМИРЪ здоровья зычитъ Крымскому Хану.

„Много еси должевъ Владиславови, Королеви Нашому Брату, понеже бывшого тебе въ неволѣ не яко арестанта или колодника, но яко Пана тобе почиталъ, и свободно отпустилъ; далъ тебѣ на свое взыти Панство, гдѣ и теперь господствуеши. Удивляюсяже: для чего еси сего запомнилъ? Когда нынѣ воюя за подручного 226) непріятеля моего; и тебе тутъ съ нимъ вижду подносящаго оружіе на мене, чего я не боюся,видячи тебе, малую корысть пріемшаго; отпуду бо таковаго и Богъ ненавидитъ и

тобѣ въ намѣреніи твоемъ не пощастить. Однакъ буде хочешь дружбы моей, се! тебѣ оную приношу, желая оной же непорушимой быти; или инако явно есть неблагодарствіе твое Кримскій Хане! когда животомъ и Панствомъ Татарскимъ владѣеши пособіемъ Польского Короля, а безвинне вражду отъ тебе имѣемъ, какъ ты привязался врагу подручному нашему, прежде же дружествомъ Королевскимъ блаженъ былъ еси и преславенъ, которому Козаки всегда были непріязненны. А что теперь по случаю кажутся тобѣ други быти, но тотъ часъ ненавистно оружіе на васъ помощниковъ своихъ обратятъ пришедши въ силу, яко волчіи дѣти выросши, кормившую ихъ козу зъѣдятъ; послѣ того: терпитъ и лѣкарь уврачевавый неблагодарному болѣзнь. Достоенъ быти съ Королемъ, который управляетъ подданныхъ, и оному мощно безъ пособія инаго и прибѣжища быти; безъ наказанія же противному не возможно. Добро есть на конецъ войны смотрѣти, аще праведный начатокъ оной, а чія перве правда есть, яко праведенъ Судія тому будетъ помогать.„

Таково писаніе Король послалъ до Хана; самъ всю ночь устроевалъ Ляховъ до войны; рано же началася битва великая подъ обозомъ Польскимъ и подъ Зборовомъ, и Козаки нападали на Лядскіе обозы, а между

тѣмъ Ханъ писаніе Королевское прочелъ, свое написалъ тако:

ИСЛАМЪ ГИРЕЙ ХАНЪ найяснѣйшому Королю Польскому ЯНУ КАЗИМИРУ здравія!

„Аще твоя Королевская милость щасливъ живешь, и Я зъ моей стороны Вашему Королевскому Маестату здравія и щастія и всему Королевству Польскому на долгія лѣта зычу. Вѣдомо буди, что листъ дружбу намъ извѣщаючій, получилъ Я Вашего Маестата: зѣло же удивляюся, что Ваша Королевская Милость съ тѣхъ поръ, какъ принялъ скипетръ, доселѣ Мнѣ писаніемъ не изволилъ извѣстити, памятая же яко нѣтъ такова, который бы не былъ благопотребенъ; что же либо есть либо буди, однакъ дружбы не отмещаю, ни бесѣды лишаю.„

Написалъ же и Хмельницкій до Короля своего представляя давную вѣрность и военныя услуги Польской Коронѣ, и донося, что за великія обиды и всей Украины тягость, безвинно зависти ю отъ Ляховъ утѣсненны, для защищенія своей невинности и неволею за саблю взялся. Потомъ нѣсколько дней спустя выѣхалъ Ханскій Визирь; и Генералъ Осолинскій зъ обозу выступивъ, говорилъ ко всей чернѣ: „которая причина? что союзъ давней дружбы между обоима народами разорванъ нынѣ? для чего сосѣдская вѣрность опроверженная? почто во

время покоя Польша опустошена войною? чему Козакамъ прибѣжище у васъ здѣлалось? и чего ради Татаре суть оберегатели врагомъ, а другомъ враги? Поляки кое зло вамъ учинили, яко терпятъ теперь обиды?„ — Отвѣщалъ Визирь: „Союзъ любве нарушенъ того ради, что должная дань Хану удержана, которую если отдасте, то розыйдемся.„ — Отвѣщалъ Осолинскій· „Ляхи дань умѣютъ взыматі, инако сказуй, дара по милости проси, что Королеви, яко милостивому за обычай дарствоваті, ты же напрасно единыхъ враговъ и друговъ называешъ.„ По сихъ и по инныхъ бесѣдахъ на вторый день и статьи выдалъ Полякомъ Визирь, которыхъ такова сила: „Отстолъ Хану съ Королемъ миръ и дружество ненарушимо будетъ; Король Польскій дара сто тысячъ до Хана пущай пришлетъ; нападковъ и вражды на Польскую державу Ханъ болѣе не допуститъ; войско Татарское, въ сіе же время отъ обложенія Польского обозу изъ подъ Збаража уступитъ и воеваті не будетъ; да войско Татарское и Турецкое съ Ханомъ тотъ часъ отъ границы Польской безъ обиды пойдетъ; Король Польскій долженъ войску Запорожскому вину отпустити и принять въ милость; войско же Запорожское должно въ своей службѣ быти; по сему вѣрностью и клятвою утвердити.„ По якой

Хановой на большую бѣду Христіаномъ лести, написалъ отъ себе Хмельницкій статейное до Короля Польского таковое: „Войско Козацкое Запорожское дабы было свободное и вновь Королевскимъ привилеемъ утвержденное. Войско Запорожское сорокъ тысячь быти, и реестроватись чрезъ Старшину Козацкую должно, и до присуду Замку Кіевского належало бы. Старшина Козацкая по мѣстахъ Королевскихъ пущай живутъ какъ Шляхта. Вольно же и кому нибудь отъ простыхъ безъ препятствія всякого отъ Шляхты перейти и жити въ тѣхъ же Королевскихъ городахъ, инымъ же вольно и въ подданствѣ жити. Хлѣбъ войсковый и станція въ мѣстахъ Козацкихъ войску Польскому означатися не имѣетъ. Церьковь всходная, 227) причетъ и добра церьковныи имѣютъ быти упривиліованныя явно. Митрополитъ Кіевскій по Примасѣ мѣсто въ Сенатѣ имѣлъ бы, а Уніаты не наступалибъ. Воеводства, Каштелянства, Староства, Судейства и инши уряды, обывателемъ тѣхъ земель Руси даватися должны, а не Полякомъ. Староство Чигиринское якъ въ собѣ состоитъ, должно быти при Гетманѣ Запорожскомъ.„ Симъ статьямъ не могли отректи Ляхи мира ради, котораго желати принужденны въ Збаражу и подъ Зборовомъ, що потомъ съ привилеемъ на семъ утвердили и на трубахъ, бубнахъ,

армашахъ 16 дня Августа погласили. Тогда Хмельницкій заставу 228) Любомирского, Канцлера Великого, взявши, до Короля пріиштолъ, сидячого тогда на ѳронѣ престольномъ, которому поклоненіемъ достойную честь воздавши, рече: „Не симъ-де подобіемъ тако собраннымъ войскомъ Вашъ Маестатъ Королевскій имѣлъ я привѣтствовати; прилучилось больше случаемъ злобныхъ, нежели виною моею, за что будетъ ми прощеніе; признаваю: нѣстьмь милости достоинъ, однакъ свойственно есть яко Самому Богу и намѣстникомъ Его милостивымъ противу смиреннымъ быти, той бо сердца сокрушенного не презираетъ.„ На то отвѣщалъ Литовскій Подканцлеръ: „Что хотя нынѣ видимо есть явно, кто кому виноватъ, токмо яко Король найяснѣйшій ранъ раздражити не хочетъ, когда своею милостію аки врачевствомъ изцѣленіе видитъ, якоже солнце и злыхъ освѣщаетъ, тако найлучшій Монархъ гражданъ сохраняя, кроткихъ и сопротивныхъ купно прощаетъ, прощаетъ же симъ образомъ, когда дѣло достойное казни, твердою по семъ вѣрою или милостію воздаетъ.„ Статьи же Козацкія и не хотя Поляки приняти и съ невкусомъ своимъ оныя утвердили, лучше бы съ ушима повернутися до дому; понеже въ волосъ чуть единъ не разорили Козаки мира съ Поляками. О таковомъ примиріи, когда

возвѣщено во Збаражу облежанцамъ, отъ обоихъ сторонъ на мирное знаменіе ударено изъ стрѣльбы огненной, и отворилися въ Козацкихъ обозахъ базары, на которые купли ради и испрошенія хлѣба облеженцы Збаражскіе изышли; Козаки же нагодовавши 229) ихъ, Татарамъ вельми много продали; и больше Поляковъ пропало тогда, нежели во время войны. По семъ Король, не имѣя сто тысячей окупу Ханови дати, далъ Потоцкого съ Данифомъ, старостою Сокольскимъ. Возвратился же и Хмельницкій со всѣмъ войскомъ до дому, побѣду надъ Лясами принося Украинѣ.

XV.

Повѣстъ, какъ Хмельницкій по Зборовскихъ пунктахъ для пробы послалъ Митрополита Кіевского на Сеймъ взглядомъ мѣста въ Сенатѣ.

И когда Хмельницкій отъ Збаража съ войскомъ своимъ отошолъ; изшедши во утріе въ девятую недѣлю отъ облеженья своего, и Поляки нищетныи и худыи тѣломъ, подобны мертвымъ, не могучи бо ходити, падали на пути отъ вѣтру, а нѣкоторыи держались хвостамъ и стременъ конскихъ, пѣшо маршируя запомнили, яко

отъ людей убогихъ суть, не имѣли курей, гусей, утей, слемаковъ и черепахъ, но рады были хлѣбу и водѣ чистой. Се тако ихъ смирилъ Богъ, возставивши поверженныхъ на ноги, и гордыхъ вергнувъ на землю; и они тако смирилися. Отдохнувъ паки бо собралися на Сеймъ въ Варшаву и писали многія подметныя письма на Короля ради статей Зборовскихъ; одни ругали, что братство принялъ съ Ханомъ, другіи и день проклинали, въ который Король статьи постановилъ не на сторону Лядскую съ Козаками, трети же тое дурному государствованію Его возписовали безъ страха.„

Король же вѣдалъ злословящихъ, но терпѣлъ; есть бо между Ляхами великое непостолнство, ибо ниже Королеви повинуются и не имѣютъ согласія зъ собою, но колько Ляховъ есть въ Польши или въ ихъ землѣ, только Совѣтовъ; всякъ бо свое слово и совѣтъ выше поставити хочетъ надъ другого, и сами составляютъ совѣты и письмами закрѣпляютъ, но всего того изрекаются послѣжде, якоже и статіямъ Зборовскимъ здѣлали, ибо подъ Зборовомъ Король и весь Сенатъ Польскій поставили статьи съ Козаками, (яко выше написанные) но послѣди и перемѣнили инако, въ томъ числѣ и оную статью: „дабы Митрополиту Кіев-„скому въ Сенатѣ Королевскомъ по Примасѣ „перьвое мѣсто имѣти„ отвергли.

Когда бо пришелъ Силвестръ Косовъ, Митрополитъ Кіевскій, до Варшавы, сталъ мятежъ на Сеймѣ: чтобъ не дати ему мѣста въ Сенатѣ: для того что онъ Руской вѣры; а наипаче Епископы Римскіи роптали, и настояли на сіе: дабы не имѣлъ мѣста Митрополитъ Россійскій между ими; а другіе говорили: поневажъ-де не о духовныхъ, но о мирскихъ дѣлахъ въ Сенатѣ совѣты наипаче бываютъ, то что воспящаетъ Митрополиту Кіевскому въ Сенатѣ совѣтовати? симъ любовь и миръ Козакамъ съ Поляками утвердилися, и Статіи Зборовскіи нерушимы пребылибъ?. Сіе несогласіе увидѣвъ Кисель сущій отъ давнихъ Пановъ Рускихъ породою, извѣстилъ Митрополиту Силвестру, и совѣтовалъ скорѣе ихти въ Кіевъ, чтобъ Ляхи памятозлобивы не здѣлали ему какого худа. И такъ отошолъ Митрополитъ во свояси, Полякомъ оставивъ бѣду и впредь кровопролитіе великое, которое продолжилося на многое время, а ненависть даже доселѣ.

XVI.

Повѣсть о походѣ Козаковъ на Волохи; и о Комисарахъ Польскихъ.

Когда же возвратился Хмельницкій сподъ Зборова, Рускіе люди ублажили его и на

срѣтеніе изходили, поздравляя яко побѣдителя Ляховъ и свободителя отъ Лядской неволи Украины. Всегда же имѣлъ при полка Козаковъ вѣрныхъ и три тысячи Татаръ здоровье его берегущихъ; Хана бо ударствовавъ самого отпустилъ во свояси. И тогда Хмельницкій такъ обогатился вскорѣ, что Поляки чрезъ многія лѣта уже толикаго богатства собрать не могли; но вѣдая на себе Лядское умышленіе и хитрость, что многіе Зборовскихъ пактовъ не додержатъ, мыслилъ о семъ глубоко, и имѣя очи навсегда зрѣлыи, разсуждалъ о Ханѣ Кримскомъ, что подъ Зборовомъ при самой надъ Королемъ викторіи, по которой бы при добрыхъ стороны Козацкой кондиціяхъ могли быти Козакомъ съ Поляками вѣчный миръ, выразумѣвъ намѣреніе Козаковъ хотя и побѣдителей, которые съ Ляхами за непрестаннымъ прошеніемъ и въ великой нуждѣ будучихъ, намѣреваютъ примиритись, и что соболѣзнуютъ облеженя Помазанца Божія своего Короля, яко Христіанского Государя, и что не намовилъ онъ Козаковъ, дабы взявши у Татаръ на все войско плату выдали изъ облеженія Короля ему на волю, до хитрости бесурманинъ удался, и упередивши Козаковъ началъ лестію отъ себе съ Ляхами миръ составляти, а то дабы лучше продолжилась война съ Козаками, безъ которой Татарамъ было некорыстно, понеже чрезъ сію

войну Христіанства вельми вѣ скарбы и вѣ ясирѣ обогащалися, и учинивши вѣ Польшѣ пустыню еще стали быть Ляхомъ будто зичливыми, а Козаковъ поставили за немилосердныхъ, и къ тому умышлялъ Ханъ яко несытой крови Христіанской бесурманъ, дабы Козаковъ съ Ляхами примирити и съ полными силами воевати на Москву, и тако бы опричь добычей ясиру, отпшукать 230) себѣ Царство Казанское и Астраханское. О чемъ Хмельницкій будучи вельми чулый 231) думалъ какъ бы дати отпоръ Ляхомъ и Татаромъ, и яко сынъ православія заразъ выправилъ Послы тайно до единовѣрного съ собою Монарха Великого Государя Царя Московского съ вѣдомостію о намѣреніи Татаръ съ Ляхами, и какъ Богъ смирилъ гордыхъ Ляховъ чрезъ Козаковъ. Се же надѣяся, что Его Царскому Величеству по недавной отъ Короля Польского Владислава ставшойся подъ Смоленскомъ вѣ Литвѣ и вѣ земляхъ, великой шкодѣ, будетъ сіе извѣщеніе пріятно. Понеже Хмельницкій будучи тамъ же подъ Смоленскомъ съ Козаками при Королѣ, не безъ соболѣзнованія былъ вѣ томъ, что Московскіе съ Козаками единовѣрные люде отъ Ляховъ утерпѣваютъ насиліе. Ибо 1634 году взялъ Король подъ Смоленскомъ Шейна со всѣмъ войскомъ Великороссійскимъ, съ арматы и обозомъ; гдѣ было и Донскихъ Козаковъ нѣсколько

тысячей, и Нѣмецкой пѣхоты тысячей шесть, надъ которыми имѣлъ команду Александръ Лославусъ Англинъ, науки жолнерской, свѣдомый особливо въ добиваніи городовъ; и еще тамъ недовольны будучи Поляки пошли далѣе въ Москву до Столицы, облегли на трактѣ 232) городъ Бѣлевъ; и хотя Турчинъ по прошенію отъ Москвы послалъ подъ Каменецъ Подольскій, Абази Башу съ Турками, Татарами, Мултянами и Волохами, дабы двоякою войною прервать намѣреніе Полякомъ до Москвы; но Конецъ Польскій Гетманъ Коронный будучи готовый на стражи съ войскомъ кварцарнымъ и Козацкимъ Турковъ за Дунай прогналъ, а за тѣмъ Великій Государь Царь Россійскій съ Королемъ Владиславомъ утрактовалъ покой съ не малымъ урономъ, въ земляхъ, скарбахъ и титлѣ. И для сего-то Хмельницкій послалъ о викторіяхъ своихъ надъ Ляхами вѣдомости, уповая оныя Царскому Величеству быти благопотребны, понеже и Царское Величество много имѣлъ на Ляховъ причинъ для разорванья нещасливого Смоленского мира. Еще же Хмельницкій упережая Ханское хитроковарное умышленіе, послалъ Посланника своего и до Турецкого Царя, прося себѣ на Ляховъ помощи; Царь же Турецкій принявъ Пословъ Хмельницкого радостно, послалъ ему дары, и приказалъ въ Силистріи живущимъ и всѣмъ по Дунаю

съ Волоскимъ и Мултянскимъ Господарями, готовыми быти Хмельницкому на помощь; еще же на прошеніе Хмельницкого, онъ же Турчинъ повелѣлъ у Господаря Волоскаго Василія Лупилы (буди не изволитъ дружески, то насильно) дочь Ирину Тимошу Хмельницкому во жену взяти; завиствуя тишинѣ въ Христіанствѣ, и дабы ихъ междоусобными войнами умалити повелѣлъ и Хану Кримскому съ Хмельницкимъ итти на Волохи, не вѣдая что Хмельницкій для того съ Волохами пожелалъ сватовства, чтобъ для намѣренной съ Ляхами дальшой войны отъ Дуная обезпечитись. Потомъ Хмельницкій выправилъ Гладкого съ частію войска Козацкого въ поля, а Носача, Пушкаря и Дорошенка въ шестнадсяти тысячахъ Козаковъ до двадсяти тысячъ Татаръ чрезъ Днѣпръ, гдѣ бы были мосты зготованы въ Волоскую землю, и нечаянно повелѣлъ войскамъ нападши Волощину пустошити. И сему для бѣды Христіанской Татаре рады были, понеже въ землѣ Волоской по самыя горы людей въ полонъ побрали и набытки ихъ разграбили; а Козаки городъ Сороку взяли, Сочава же до Яссъ избѣгла, которую для пострахy Козаки запалили, для чего и Господарь Молдавскій изъ спольного города своего Яссъ до Хотина збѣгши писалъ до Польского Гетмана жалуючись: что Хмельницкій самъ стоя подъ Прутомъ съ Ханомъ

всю землю его чрезъ части огнемъ и мечемъ пустошатъ, и просилъ себѣ у Гетмана помощи; ибо Господарь Волоскій чрезъ Поляковъ намову 232) погордилъ Хмельницкого письмами и отмешалъ съ Хмельницкимъ дружество. Но Гетманъ Потоцкій отписалъ: „Ты-де не вѣдаешь, что онъ и мнѣ дался знати, перьвѣе сына моего зъ войскомъ до единаго знесши забилъ, а незабавомъ и самого мене съ полнымъ Гетманомъ ранилъ, и мало живота не лишилъ, и недѣлю на гарматѣ 233) держачи Тугай Бею обоихъ насъ даровалъ, откуду ледво 234) чрезъ особливую ласку Ханскую великимъ окупомъ освободилися мы, а и войско Польское все отъ мене пропало, и обозы со всѣмъ богатствомъ ему достались, но и больше опослѣ надъ нами щастіе ему послужило.„ И такъ Господарь просячи мира и неволею обѣщалъ за Хмельницкого сына дочь свою выдати. Что видя Хмельницкій яко отъ Турчина чрезъ милость, отъ Волоского чрезъ сватовство, отъ Московскихъ Великого Государя войскъ чрезъ единовѣріе всѣ стороны около себе обезпечилъ: съ надеждою ожидалъ что послѣднее покажетъ время? По семъ пришла вѣсть, что Митрополита Кіевского Ляхи обругали въ Варшавѣ на Сейму и не дали ему мѣста въ Сенатѣ по силѣ присяжныхъ пактовъ Зборовскихъ. Ибо въ семъ шые Зборовскія спашьи отвергши роптали на

Короля и на Сенатъ, что оныя всѣмъ Полякомъ утворены отъ Хмельницкого на укоризну, и многими причинами возбуждали всѣ Короля, чтобъ войну съ Хмельницкимъ изнова поднялъ. Чего ради Хмельницкій и нехотя началъ прилѣжно съ Ханомъ утверждати миръ, дабы не учинити съ Ляхами и Татаръ совокупленныхъ себѣ непріятелей. Довгій же отъ Ляховъ противъ Короля за Зборовскіи пакта споръ, послалъ Хмельницкій до Короляжъ, упоминаясь: чтобъ статіи Зборовскіи цѣлы и нерушимы были; а ежели кто Запорожское войско обнесъ предъ Королевскимъ Величествомъ прощенія и милости Гетманъ Запорожскій ищетъ. Просилъ же Хмельницкій чрезъ Посланниковъ своихъ Короля, дабы отъ двора Его Величества четыре найвышшіи Сенаторы клятвою Зборовскія статьи утвердили, и которыи бы певнѣйшіи, тіимъ при немъ въ закладѣ остались, урядниковъ Польскихъ и оныхъ бы заразъ звезено прочь, яко начало всему злому; но изъ костеловъ Римскихъ, дабы ни единъ не былъ на Украинѣ; благочестивымъ же церьквамъ и клиру свободнымъ быти, не только на Украинѣ, но и въ Корунѣ Польской и въ Литвѣ, и равную честь духовенство Руское съ Римскимъ имѣлобъ, и чтобъ между народомъ смута 236) быти престала; для того Шляхту всю какъ найскорѣе зъ Украины руговати 237) совсѣмъ во внутренную ихъ

Польщу, а Козацкую землю абы освобождено подъ городъ Кіевъ; а Брацлавля и Чернигова съ повѣтами своими, дабы уступили Ляхи на вѣки, и доколѣ того не учинятъ, дотоль о покою не замай не думайте. Іеремій Вишневецкій, яко великій Козаковъ наступникъ, и ругательнежъ сказуетъ, тожъ клятвою дабы утвердилъ Зборовскіе пакта; а Конецъ Польскій и Калиновскій и Любомирскій, и инные великородные пришлибъ на Украину безъ воинскихъ людей, токмо съ пожипками и дворами своими вмѣсто заставы, дабы пактовъ Рѣчь Посполитая додержала. Сіе письмо Хмельницкого хотя видѣли Ляхи неполезное быти, однакъ умѣренно Гонаницкому повелѣли отвѣтовати, прилагая и сіе: что Хмельницкій Турецкою ласкою вспоможенный страшалъ Ляховъ и похвалялся по Сакъ и Вислу Украину себѣ учинити; что многіе отъ Польскихъ Сенаторовъ подъ такое при щасливыхъ ему викторіяхъ вскорѣ на весь свѣтъ разглашенныхъ время за подлинно бы поразумѣли; ибо-де короны да скипетра ему недоставало. Тамъ же при Посланникахъ читано изъ Кіева доношеніе Киселя, въ которомъ пишетъ онъ: что многократно приходя къ нему Козаки настояли: дабы Унія отнюдь не была; но и самъ онъ Воевода будучи благочестивый призывалъ тѣхъ Господарей, которыи подъ Зборовомъ статіи слагали, дабы старались

Уніи не быти; лутче-де тысячи церьквамъ Рускимъ съ Римскою въ мирѣ жити, нежели десяти Уніятскимъ въ соединеніи да и войну всей земли видѣть и опустѣніе многимъ святынямъ. Чего ради и Ляхи на Киселя вознегодовали, мнили бо яко онъ благочестивъ, по благочестію и по Козакомъ поборяетъ, и поставили на Сеймѣ Варшавскомъ: дабы Гетманы Польскіе, въ томъ же времени на границѣ спали войсками; Посланникамъ же Хмельницкого, Марковичу, Гурскому и Ивану Дорошу шляхетство давши и дары, отпустили. Но вышеписанный Гладкій въ Полѣсѣ подъѣхавъ многіе уже города началъ воевати, и села и домы шляхетскіи заграбилъ и досягъ Вишници, Бобрика и Брестя въ Литвѣ, гдѣ и Поляки съ Козаками битву великую имѣли, на которой убіенъ Тишкевичъ и инныи многіи. По семъ въ Пинску напали Ляхи Козаковъ нечаянно и поразили Гладкого совсѣмъ. На веснѣ же пришовши нѣкоторый Козакъ Голота, Полководецъ, въ Литву съ Козаками и перьвѣе побѣдилъ Воловича съ Литовскимъ войскомъ, потомъ и самъ отъ Гонсеневского и Фанделовского побѣжденный живота лишився. Послѣ того Побѣдайло и зъ нимъ Кречогскій изнова зъ не малыми силами на Литву нашли и многія имѣли зъ Поляками битвы; но отъ Радзивила пораженны самы убіенны зостали. Въ то же

время перьвое прислалъ Король до войска Запорозскогго и до Хмельницкого привилей, который тако писанъ:

МЫ ЯНЪ КАЗИМИРЪ Божіею милостїю Король Польскій, Великій Князъ Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жмудскій и Инфляндскій по наслѣдїю Король.

„Симъ привилеемъ на потомные часы вѣдати надлежащимъ обьявляемъ: Занесена до Насъ и до Рѣчи Посполитой на Сеймъ въ Варшаву суплика отъ войска Нашего Запорозского съ прошеніемъ чрезъ Послы: абисмо Зборовскую нашу имъ обѣтницю привилеемъ утвердили, чего мы не отрекли привилей Нашъ имъ выдати повелѣли. На сихъ пунктахъ Его Королевское Величество войску Своему Запорозскому по давнихъ ихъ привилеяхъ жити позволяетъ и отъ себе заразъ новымъ привилеемъ подтверждаетъ и привлащаетъ ихъ къ Себѣ и къ Рѣчи Посполитой допущаетъ. Быти войска Запорозскаго четыредесять тысячей, а споряженіе реестра злещаетъ того жо войска Запорозскаго Гетманови, дабы Козаковъ до реестра вписывалъ, кто бы только до того былъ способнымъ, такъ въ маетностяхъ Шляхетскихъ яко и Самого Его Королевского Величества; начавъ отъ сей стороны Днѣпра отъ Димерова, Замостя и Коростишева; Паволочи, въ Погребищахъ и При-

луцѣ, въ Вѣйницѣ и Браславлю, отъ Браславля до Ямполя къ Днѣстровѣ, такожъ отъ Днѣстра до Днѣпра; а зъ другой стороны Днѣпра въ Острѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ и Ромнѣ ажъ до границы Московской и до Днѣпра. А что касается далшихъ мѣстъ Его Королевского Величества и иншихъ Шляхетскихъ надъ вышше означенные, въ тѣхъ Козаки не имѣютъ быть; свободно однакъ изъ тѣхъ кто бы похотѣлъ въ Козацство, то безо всякого отъ державцовъ своихъ удержанія и препятія со всѣмъ имѣніемъ нажитого въ опредѣленную имъ Украину внійти, и до реестру вписовапися можетъ, и оныхъ вписанныхъ въ Козацство и именный реестръ Гетманъ Запорозскій при печати воинской зъ подписомъ руки власной предъ новымъ лѣтомъ прислати до Насъ имѣетъ, для того, дабы только тыи зоставали при всякихъ вольностяхъ Козацкихъ, а прочіи всѣ до крѣпостей Его Королевского Величества и державцовъ надлежали. Чигиринъ при булавѣ войска Запорозского Благородному Богдану Хмельницкому Его Королевское Величество, имѣя его Себѣ за вѣрного, отдаетъ, и что нибудь дѣлалось подъ часъ замѣшанія попущеніемъ Божіимъ, все то въ вѣчное забвеніе пущаетъ, и запрещаетъ всему Своему Панству за то не мстити. Тако же Шляхта Греческой или Руской вѣры, если которые

во время сей войны подъ какимъ нибудь образомъ примѣсилися до войска Запорозского Королевское Величество имъ преступленіе отпущаетъ, и если подъ тѣмъ что либо изъ добръ дѣдичныхъ или инныхъ упрошено, то на зъѣздѣ Сеймовомъ будетъ все нагорожено. Войско Коронное въ опредѣленныхъ Козакомъ землѣхъ во всѣхъ мѣстахъ и селахъ становискъ своихъ и квартеръ займати отнюдь не должно, и Жиды тамъ ни державцами, ни арендарями, ни жителями никогда быти не имѣютъ. Взглядомъ взнесенья въ Коронѣ Польской и въ Княженіи Литовскомъ Уніи и о маетностяхъ Церьковныхъ и добрахъ до нихъ здавна надлежащихъ и ихъ правленіяхъ духовныхъ, такъ яко со Отцемъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всѣмъ духовенствомъ на Сейму падходящемъ договорено и поставлено будетъ, то по желанію Отца Митрополита все Его Королевское Величество додержати готовъ, дабы всякъ зъ своихъ правъ и вольностей безпечно могъ тѣшитися. Кіевскому Митрополиту мѣсто въ Сенатѣ, Его Королевское Величество позволяетъ имѣти. Достоинства всякого и уряды въ Кіевскомъ, Браславскомъ и Черниговскомъ Воеводствахъ раздавати Егожъ Королевское Величество обывателямъ стану Шляхетского (хотя бы они Греческого закона были) по давнимъ правамъ обѣщаетъ.

Въ городѣ Кіевѣ понеже суть здавна упривиліованныя школы, Отцеве Езуиты не имѣютъ тамъ и въ прочихъ мѣстахъ Украинскихъ фундоватися, и чтобъ заразъ были гдѣ индѣ перенесены. И такъ все противное въ забвеніе пустивши отселѣ милости и дружества союзъ содержатися имѣетъ между обывателями Украинскими и войскомъ Его Величества Королевскимъ. Сію претo декларацію Нашу тѣмъ привилеемъ на суплику войска Запорозского подтверждаемъ и тотъ привилей за подписомъ руки Нашей и печатію Коронною завѣсистою выдати повелѣлисьмо. „

Данъ въ Варшавѣ Майя 2 року 1650, Пановаия Королевствъ Нашихъ: Польского Королевства второго, а Швецкого третьяго року.

ЯНЪ КАЗИМИРЪ, Король.

Сего привилея копіи Старшинамъ роздавано за печатью войсковою Писаремъ Енеральнымъ Искористинскимъ; на которыхъ рукою собственною Гетманъ подписовалъ тако: „Богданъ Хмельницкій Войска „Его Королевской милости Запорозского.„ И Майя 8 дня вписанъ привилей до книгъ Кіевскихъ чрезъ Нечая, Полковника Браславского и Демяна Многогрѣшного, Асаула Енерального, да Намѣстника Королевского Остапа Виговского. Потомъ пришолъ и

Кисель, Воевода Кіевскій зъ Брозовскимъ статіи Збаражскія, то есть Зборовскія утверждати и зъ ними Шляхты много, хотячи паки свои на Украинѣ маетности и грунты осѣсти, которые Хмельницкій уже Полководцамъ своимъ роздавъ, и стужали, чтобъ изволилъ Хмельницкій статіи Зборовскія исполнити. И когда начали написовать, дабы токмо сорокъ тысячей Козаковъ было, пошло по городахъ народу тое въ уши, и тотъ часъ сталася вопль и бунты; хотя бо Козаки давніи и не отрицали сороку тысячамъ реестровымъ быти, а протчимъ паки въ работизны Паномъ своимъ остатись, но и они возпегодовали и послали къ Хмельницкому, сказуючи: „Тако ли оставляеши насъ Гетмане Запорозскій? которыхъ долженъ еси, яко вѣрныхъ заступати и не отдаватн Ляхомъ на мученіе повторне; не вѣдаешь ли, что Ляхи миромъ тебе уловити хотятъ? протчее, буди тебѣ угодно есть подъ Лядскою волею быти, мы инного Гетмана поставимъ, который за нами лучше тебе постоитъ.„ Наипаче же Забуждане и Поднѣстряне о семъ роптаху, которымъ предводителемъ Нечай былъ. И устрашился Хмельницкій отъ народа сіе послышавъ, да не скасованъ отъ чести Гетманской будетъ и оставилъ написовати Козаковъ, но далъ вольность, кто хочетъ Козакомъ быти, не замай будетъ.

По семъ Хмельницкій прилѣжнѣе началъ соглашатись съ Россійскимъ Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ *АЛЕКСІЕМЪ МИХАИЛОВИЧЕМЪ* и всѣ тайны Лядскія Его Величеству открывалъ; и Великій Царь радъ былъ Козакамъ: яко преклонится къ Московскому Государству за такъ многонародными землями и Княженіи хотятъ. Изобрѣвъ причину послалъ Князя Трубецкого да Пушкина до Короля Польского жалуясь на нѣкоторыхъ Его чиновниковъ, что въ письмахъ своихъ чести Ему Государю убавляютъ, и что Папа Римскій пишучи до Владислава Короля Польского, именуетъ Его только Великимъ Княземъ, къ тому жъ казнодѣи Польскіе раскольниками Москву по костеламъ называютъ, и претендовалъ Государь Царь: дабы тѣхъ ксіонжовъ, которые оныя казанья и книжки писали съ книжками ихъ на Москву выдано, придавши до того Смоленскъ городъ и сто тысячей рублей денегъ, и грозилъ готовитися войною, если того Поляки не учинятъ. Между же симъ пришолъ Посланникъ отъ Кримского Хана, возбуждая Ляховъ за собою войну подняти на Московское Государство, чему Поляки рады были; прежде бо сего являя Ханъ Полякомъ свое пріятство, пустилъ изъ неволи обоихъ Гетмановъ Потоцкого и Калиновского. И не по многомъ времени Посланники Его Царскаго Вели-

чества отправленны отъ Короля съ отвѣтомъ такимъ: что они Ляхи готовы на брань съ Москвою. И заразъ Хмельницкій чинячи прислугу Великому Государю о Ляхахъ, Татарскою помощію возносящихся, извѣстилъ и о своихъ Козацкихъ силахъ и списалъ реестровыхъ токмо Козаковъ, опричь охотного и Татаръ (которого войска имѣлъ безъ числа) и раздѣлилъ на пятьнадесять полковъ, послалъ книги переписныя: сколько въ которомъ полку Козаковъ имѣется. Первый Полковникъ былъ Чигиринскій Ѳеодоръ Якубовскій, имѣлъ въ полку своемъ 3189 человѣкъ; Черкаскій Полковникъ Иванъ Воронченко 2989; Каневскій: Семенъ Павѣцкій 3110; Корсунскій: Лукьянъ Мозира 3472; Уманскій: Іосифъ Глухъ 3830; Браславскій: Данило Нечай 2802; Кальницкій: Иванъ Ѳедоренко 2046; Кіевскій: Антонъ Адамовичъ 2080; Переясловскій: Ѳедько Лобода 2150; Кропивянскій: Филимонъ Джеджелѣй 2053; Острянскій: Тимошъ Носачъ 1958; Миргородскій: Максимъ Гладкій 3158; Полтавскій: Мартынъ Пушкаренко 2783; Нѣжинскій: Прокопъ Шуменко 983; Черниговскій: Мартынъ Небаба 936. — Всѣхъ тридсять седмь тысячъ пять сотъ сорокъ девять человѣкъ. — Въ то же время пришолъ Асланъ Ага Чаусъ отъ Турецкого Царя, и дары Хмельницкому далъ: чугу, мечь, короговъ и булаву, и совѣтовалъ отъ Короля Польского отступити подъ про-

текцію Царя Турского. Сіе увѣдавъ Кисель, изъ Кіева послалъ брата своего Григорія до Чигирина, увѣщевая Хмельницкого: чтобъ не отступалъ Короля; но усмотрѣвъ, что Хмельницкій со всею Украиною изволилъ паче съ Турскимъ Царемъ жити, нежели съ Ляхами за ихъ злобство, съ многимъ жалемъ отъѣхалъ въ Польщу: ибо Хмельницкій уразумѣвъ Кримского Хана замыслъ, для того что съ Ляхами принявъ братство, дабы его Хмельницкого и Украину паки предать въ Лядскую державу; сего ради промышляя завременно Турскому Царю поклонится, чтобъ не раздражить его; между тѣмъ поджидалъ, что будущее принесетъ время?

XVII.

Повѣсть, которая причина была войнѣ Берестецкой.

Пришолъ Нерудимъ Салтанъ къ Хмельницкому повелѣвая отъ Хана: чтобъ ишолъ съ нимъ и съ Ляхами войною противу Царя Московского, но Хмельницкій на единовѣрного себѣ Государя и Монарха Греко-Россійского оружія поднести не желалъ (паче же и поддался ему). Се же изъ таковыхъ причинъ: Господарь Молдавскій мыслячи, какъ бы не содружитися съ Хмельницкимъ,

послалъ до Короля просити въ томъ помощи; Король же повелѣлъ Потоцкому Гетману, пришедшему изъ Татарской неволи, дабы съ войскомъ Польскимъ сталъ подъ Каменцемъ Подольскимъ и препиналъ Хмельницкому зъ Господаремъ сватства; гдѣ Ляхи по квартерахъ ставши начали людямъ великое озлобленіе чинити. Слышавъ же Хмельницкій о Потоцкомъ и Польскихъ жолнерахъ подъ Каменцемъ стоячихъ, собравъ и свои полки якобы на Москву по повелѣнію Салтановомъ; вещію же самою смотря быстро: какой ради вины Ляхи собираются съ Потоцкимъ Гетманомъ? и для чего имая людей Поднѣстринскихъ, однихъ збивали на пали, другимъ носы и уши обрѣзовали, а иныхъ на четверти разсѣкая по дорогахъ тѣла ихъ развозили? о якихъ бѣдахъ нѣкоторыи избѣгши отъ рукъ Лядскихъ безъ носовъ, безъ ушей, Хмельницкому донесли. Что во время мира таковое безчеловѣчное мученіе Ляхи Руси творятъ сіе слышавъ присутствуя тогда Посланникъ Татарскій усумнился, и говорилъ Хмельницкій ему и предстоящимъ: что намъ Ляхи творятъ? хотятъ дабы по отходѣ нашемъ на войну къ Москвѣ напасть на домы наши и огню предати городы и села, а жоны наши и дѣти мечемъ посѣкти и память нашу зъ свѣта збавити 239) и згладити. Сіе всѣ возвѣстилъ Посолъ Татарскій Салтану, Салтанъ

Хану и пресѣклася война, намѣренная отъ Ляховъ и Татаръ на Москву. И заразъ послалъ Хмельницкій Кравченка до Потоцкого Гетмана, вопрошая его: „Почто во время покоя Лядское собравшееся войско на Подолю людей невинныхъ убиваютъ и грабляютъ, ни откуда не слышавше супостата на Польскую землю?„ — Отвѣтствовалъ Потоцкій: „Королевскій-де указъ есть на границахъ намъ стояти, чему не имѣетъ удивляпися Гетманъ Запорозскій; лучше мы же удивляемся, что Козацкое войско собрано и Гетманъ стоитъ на войну готовый, и для чего безъ позволенія Королевского Козаки Молдавскую землю пустошатъ?„ Хмельницкій же такій отвѣтъ чрезъ Кравченка слышавъ, ставъ ждать, покамѣстъ силы Татарскіи соберутся. Сицевымъ способомъ и Турского Царя снискалъ себѣ въ протекцію, Татаръ удержалъ нейтитъ войною на Государство Великороссійское, которому и самъ показался пріязненъ, а Полякамъ Велико-Россіянъ учинилъ супостаты и Хана Кримского, что приводилъ въ миръ Козаковъ зъ Поляками, изнова подвигъ на Ляхи воеваши; той бо не разсудливъ въ хитрости отъ Хмельницкого таковой, и думалося ему, что не могутъ инако Ляхи Козаковъ погубити, подъ видомъ мира погибели имъ ищутъ. Заразъ послалъ Королю, за такое ихъ Лядское непостоянство и хитрость

сказалъ отъ себе войну. И повелѣлъ Король Казимиръ не токмо наемнымъ жолнеромъ готовымъ на брань быти, но и всему Посполитому Рушенію; перьвѣе же послалъ Маховецкого къ Кіевскому Митрополиту: дабы увѣщевалъ во время Козаковъ, смиритися предъ Королевскимъ Величествомъ; буди же инако, то огнемъ и мечемъ всю Украину погубити декларовалъ. Того посланного Королевского Митрополитъ отослалъ ко Хмельницкому съ писаніемъ Королевскимъ. И по тому Хмельницкій повелѣлъ изнова зрееструваши Козацкое войско и Ляховъ паки отъ Украины изгоняти и убиваши; и послалъ Нечая отъ полковъ изъ Забужья отъ Браславля ити противъ Ляховъ, гдѣ Гетманъ полный Калиновскій былъ недалеко, и послышавъ Нечая въ Красномъ днемъ и нощію послалъ войско Польское, которое вшедши нечаянно напало въ городѣ; Нечай же въ то время упился и Козацкое войско мясопусты отправляло; когда же Ляхи людей рубити начали, скочилъ Нечай самъ, хотя Ляховъ воспятити, но устрѣленъ пулею въ ранѣ убѣжалъ на замокъ и тамъ скончался. Войско же Козацкое въ замку три дни отбивалося, оставя городъ, который Ляхи огнемъ и мечемъ разорили; тако перьвое Козацкому войску чрезъ пьянство сталося нещастіе. Все же Хмельницкій пустивъ мимо, повелѣлъ Богуновѣ зъ вой-

скомъ поступати къ Вѣнницѣ, но Калиновскій нападши такимъ образомъ мѣста: Черепаховцы, Мурадву, Шарь-городокъ и Янполь огнемъ и мечемъ повоевалъ и въ нихъ людей неповинныхъ забилъ; оттуду подъ Вѣнницу пошолъ, гдѣ Богунъ былъ, и подступилъ Гетманъ Калиновскій подъ городъ крѣпко, хотя его взяти, но Богунъ упремудрилъ Ляховъ; прежде пока Ляхи до Вѣнницы не пріишли здѣлалъ засаду и много поразилъ Лядского войска; потомъ изійшолъ изъ города въ монастырь близъ сущій, и рѣку Богъ порубавъ потрусилъ сѣномъ; сея Ляхи не вѣдая лести, когда скочили штурмомъ и конныи къ монастырю, тотъ часъ обломилося войско ихъ и потопилося много въ рѣчную глубину. Тамъ пропали отъ начальнѣйшихъ Кисель и Тишкевичъ, только одинъ Браславскій рашовался Воевода; таможе и подъ замкомъ Вѣйницкимъ въ штурмѣ Ляховъ Козаки побили. И послышавши Ляхи, что Глухъ Полковникъ идетъ Козакамъ на отсѣчь, изышли противу ему въ поле; невѣдомо же чего ради стала смута разомъ между Ляхами; одни утекать начали, другіи имъ послѣдовати, а третіи возы Панскіи грабили, наконецъ же оставя обозъ до Бару утекли по примѣру Пилявецкому, и тако Козаки безъ труда добычи взяли. Въ Бару же Ляхамъ будучимъ и неимѣючимъ запасовъ былъ голодъ великій, и для того

до Каменца Подольского пошли, уже бо не надѣялися помочи себѣ ни откуду: ибо Король хотя повелѣлъ Посполитому Рушенію быти, но другій Шляхтичъ покамѣстъ зъ жоною въ дому ростался, а въ Гетманскомъ войску не одинъ Ляхъ зъ голоду згинувъ, того ради и неволею Гетманъ Калиновскій пошолъ къ Королю, будучому тогда подъ Сокаломъ; прежде бо сего и Господарь Молдавскій остерегъ Ляховъ: что Хмельницкій зъ Богуномъ шестьдесятъ тысячъ посылаетъ войска Козацкого и зъ Татарами; но Богунъ Ляховъ подъ Каменцемъ не заставши послалъ Демка зъ частью войска въ погоню, которого въ Купчинцыхъ Ляхи поразили, а наипаче изъ тѣхъ Козаковъ, которыи за переправкою умедлили, въ томъ числѣ убито и Полковника Каневского. Сею битвою Ляхи звеселившеся знову къ Богу ворочатись начали и напалъ на нихъ загонъ Татарскій, разумѣвши же Ляхи: что Хмельницкій заходитъ ихъ зъ заду, побѣгли чрезъ Богъ въ плавь и рѣкою, и много ихъ потопилося; малое число ко обозу Королевскому пришли.

XVIII.

Повѣсть о войнѣ Берестецкой.

Король убо зъ многолюдскимъ очень Посполитымъ Рушеніемъ собрався рушилъ зъ подъ Соколя и не остался въ Польской землѣ ни одинъ Шляхтичъ, кромѣ жонъ и дѣтей и дѣвокъ, и ксіонзовъ зъ ними; и было всего Польского войска на триста тысячъ; а Твардовскій свидѣтельствуетъ за подлинно же: и зъ обоихъ сторонъ было войска до бою на пять сотъ тысячей, кромѣ тѣхъ, которыи при такъ великихъ обозахъ и на стражѣ оставалися; о чемъ и Пуфендорфъ пишетъ: яко Ляхи отъ всего Королевства опричь Шляхты изъ подданныхъ седьмого человѣка на тую войну взяли, обучили ихъ и вывели. Съ такимъ войскомъ пришолъ Король подъ Берестецкую, Волинское мѣстечко Лѣщинского державы, надъ рѣчкою Стиромъ; гдѣ увѣстился Король, что Хмельницкій подъ Збаражемъ и Ханъ недалеко зъ Татарами; а между тѣмъ еще пришолъ одинъ жолнеръ зъ подъѣзду: ибо Князь Вишневецкій зъ Быковскимъ добрыхъ коргвій нѣсколько на подъѣздъ послали, которыхъ Татаре напавши всѣхъ изсѣкли, такъ что одинъ токмо возмогъ убѣжати; и еще когда о семъ разговаривали Ляхи, се орда напала на обозъ и рубила какъ траву Ляховъ по полю, тѣмъ Ляхи остереженны будучи

исправляти обозъ не войско начали, Татаре же повидѣвши войско Польское безчисленно воспятились мало, пока Хмельницкій и Ханъ надпягли съ силами своими; а когда Козаки и Татаре конно пришли со обоихъ сторонъ свели, и была сѣчь, то есть баталія, въ той день не малая. Потомъ престали до упрія, а во утріе въ день четвертковый Козаки и Татаре налягли на Лядскіи полки вельми и почали саблями рубити, и стрѣльбою огнемъ забивати Ляховъ; тамъ убито славныхъ Ротмистровъ и Полковника Стадного и иныхъ до пяти сотъ Польскихъ молодцовъ самыхъ лучшихъ; а именно: Казановского, Осолинского, Мидезу, Молдацкого и иншихъ много Шляхты до килько тысячей, которыхъ жоны и дѣти болѣе не увидѣли уже; и въ томъ оба войска ночь покрыла. Тонокъ былъ сонъ Полякамъ, ибо Король созвавъ Сенатъ свой, совѣтовалъ, какъ бы Козакамъ и Татарамъ отпоръ дати, и устроилъ полки какъ надлежало. Такожде и Хмельницкій изъ горъ отъ полуденной стороны рано полки устроилъ и обозъ свой; Хановѣ же правый бокъ давъ съ Татарами, пустилъ войско до бою добрымъ строемъ. Когда же сталась баталія, Козацкое войско Ляхи преодолѣли, ибо Ханъ какъ нечаянно началъ уходити съ пляцу, Козаки хотячи ему отъ лѣвой стороны дати помочь наразились самы на свои ар-

маты и смѣсившися строю отпали; а Ханъ безъ причины пошедъ не ворочаясь самихъ Козаковъ оставилъ, но и тіи начали уходити къ своему обозу въ милю надъ рѣчкою Плѣшивою, гдѣ Хмельницкій повелѣлъ Полковникамъ и всему Козацкому войску стояти и стрѣляти изъ обозу, самъ съ Биговскимъ пошолъ за Ханомъ, удержуя оного, но не даючися Ханъ ниже намовить на килконадцать миль однимъ попасомъ 240) подъ Ожеговцы пришедши сталъ; котораго Хмельницкій за ледво упросилъ: дабы далъ для отсѣчи войску орды тысячей двадсять; но и тая не дошедши до облеженцовъ повернулась. Хмельницкій же видя явную Ханскую измѣну, мусилъ съ неутолимымъ по своему войску плачемъ зоставивши оное, ко сближенію зъ Татарами поити имѣючи при себѣ токмо Козаковъ тридсять и еще съ межи Татаръ вернулося къ нему Козаковъ семьдесять. Съ тѣми отлучившися отъ Мурзъ пошолъ на Любаръ, не повѣряяся Татарамъ, дабы и его самого взявши Ляхамъ не выдали, понеже Ханъ съ прелести Лядской и для лакомства даровъ и для переѣднанія 241) Короля, что безъ причины на землю его колико разъ наступалъ и пустошилъ, а барзей 242) ради выгубленія Христіанъ, умыслне Козаковъ выдавши, зъ пляцу утѣкъ. И такъ идучи Хмельницкій отъ Любара многихъ Козаковъ по городахъ на

залогахъ будучихъ, и которыи до войска за Татарами не могли дойти назбиравши пришолъ до Паволочи, и началъ осталцовъ до своего боку выгонити; а инныи и сами боялися Пановъ своихъ о жолнѣрство, что будучи мужики покозачились, за Хмельницкимъ на Украину уступовали и великіе до боку Хмельницкого собирались; откуду Хмельницкій опять по орду послалъ. Но тые Козаки, которыхъ Ханъ и Хмельницкій подъ Берестецкомъ отбѣгли, зразъ ночи тоея обозъ окопали валомъ высокимъ, и во утріе подступило Лядское войско силами всѣми подъ обозъ и съ армашами, и была той день весь битва великая и паде войска много отъ обоихъ сторонъ. Тамо убитъ зосталъ Шкурать Полковникъ Прилуцкій. Однакожъ усмотрѣвши Лядскій шанецъ Козаки на горѣ поблизу себе, и въ ночи Нѣмцовъ уснувшихъ, напали и много побили, что и на всѣхъ Ляховъ палъ страхъ отъ тамошняго клича. По семъ Король собравъ Сенаторовъ на совѣтъ: добивать ли Козаковъ штурмомъ или облегши полками, морить ихъ голодомъ, дабы такъ предъ Королемъ смирилися? и всѣ совѣтовали не погубляючи Шляхетской крови, для убогой корысти: гуней, дергъ и сермягъ; но отнявши пашу, держати ихъ въ тѣсной осадѣ; а между тѣмъ учинилась ссора между Посполитымъ Рушеніемъ и кварцянымъ войскомъ: одни другихъ напередъ

для облежанія Козаковъ ординовали, и за такимъ ихъ несогласіемъ и небреженіемъ въ нашедшую ночь напали Козаки на шанецъ, который былъ имъ на перешкодѣ и много тамъ Ляховъ побили и возвратились до обозу. Спустя же килко дней послышавши Козаки, что имъ ни Ханъ, ни Хмельницкій на помочь не возвратился и къ тому не могучи на Гетмана згодитися 243), кому имутъ булаву и правленіе войска отдати, а отвсюду сложено 244) и послали къ Королю зъ прошеніемъ мира Крысу Переясловца и Петрошенка, дабы при Зборовскихъ пактахъ остаться имъ; но Ляхи ниже помыслили о мирѣ, забыли: что такожде, когда и они подъ Зборовомъ близъ погибели были, Козаки, взявши о вольности своей пакта, Короля зъ войскомъ пустили въ цѣлости. Ляхи же не тако, но всѣми силами наступали, и что имѣли Козаки одну отраду изъ за Пляшовой и тую заступити усовѣтовали, и здѣлавши мостъ и шанецъ Нѣмцами осадили; совѣтовалижъ: кого бы послать на стражъ изъ за Пляшовой? и приговорили Вишневецкому зъ пятнадцатью тысячьми избраннѣйшого войска итти на стражу за Пляшовую, но Богъ размыслилъ ихъ совѣты: чтобъ не всѣ Козаки погибли. Сказали бо нѣкоторыи отъ Сенату: буде за Пляшовую избраннѣйшое войско пойдетъ, то здѣ Козаки уразумѣвши на послѣднѣйшее войско

всѣми силами обратятся и поодолѣютъ и обозъ возмутъ и будетъ побѣда при побѣжденныхъ; того ради разсудили Лядскому войску зъ премя тысячьми на стражъ пойти на другую сторону Пляшовой. Посланныи же туда отъ Козаковъ Королю предстояли и дали имъ пакты сіи: „Дабы Хмельницкого зъ Виговскимъ выдали Ляхамъ, а пока то здѣлается, дабы Старшину свою Козаки дали въ заставу, арматы же и все оружіе чтобъ отдали Ляхамъ въ руки; Гетмана дабы сами Козаки не збирали, но кого Ляхи того дати похотятъ; много ли будетъ быти Козакамъ на реестрѣ, то прійшлый Сеймъ покажетъ, и Зборовскіи уже чтобъ оставили пакты.„ — На что отвѣщали Посланники: Хмельницкого отдати обѣщаемъ зъ Виговскимъ, но арматы и Старшину выдати не мыслимъ, хотя прійдетъ намъ и погибнути; и зъ тѣмъ Козаки до обозу своего отышли, одинъ только Крыса у Ляховъ зостался. И тояжъ ночи не вельми стрегущихся Ляховъ въ шанцу близъ мосту Лядского Козаки повидѣвши, напали тайно и побили многое число радѣніемъ Богуновымъ, которого тогда уже Козаки вождомъ постановили; собравъ же Богунъ Полководцовъ къ совѣту, предложилъ имъ: какъ бы изыйти отъ сея осады; да и черни не въ конецъ вѣровали, дабы прельстившися отъ Ляховъ и своего ради осво-

божденія Старшину не выдали Ляхамъ въ руки; чего для усовѣтовали Полковники учинить мостъ чрезъ Пляшовую и перевести войска довольно, которое бы Ланцкоронского отогнало, и дало войску Козацкому всему выйти цѣло; а по тому въ ночи здѣлали Козаки три моста, отъ опанчей, возовъ, войлоковъ и наметовъ чрезъ Пляшовую, и во утріе начало войско преходити комонное. Что увидѣвъ Лянцкорунскій, яко Козацкая вся сила къ нему приближается, уступилъ и далъ проходъ Козакамъ бѣжащимъ, а отъ рядовыхъ жолнѣровъ о томъ совѣтъ никто же не зналъ и тѣмъ и турбовалися всѣ будучи въ обозѣ и начали бѣжати черезъ мосты; а понеже разтоптали очень оныи, то одни другихъ въ болотѣ потопили многимъ числомъ, а которыи и перебѣгли мостами, тѣ бѣжали куда кто могъ; дали бо Ляхи переходъ вольный, покамѣстъ переправилося килконадцать тысячь и потомъ пошли въ погоню; обозъ же весь съ арматами и со всѣми запасами остался порожній, на который Ляхи нападши разграбили, кромѣ армать: якихъ шестьдесять меньшихъ, а осмьдесять полъ картаковъ Королю отдали, и двѣ корогви Хмельницкому данныи, едну Владиславомъ Королемъ, когда замышлявъ поднести войну на Турка, данную Хмельницкому, а другую Королемъ Казимиромъ чрезъ Киселя присланную, и мечь

на тую войну отъ Патріарха Греческого вновь присланный чрезъ руки Архіепископа Коринѳского, который будучи тамъ же забитый самъ кровію своею оный посвятилъ; и пропало тогда Козаковъ, якобы пятьдесятъ тысячей, все же то было судомъ Божіимъ никому недовѣдомымъ. Нѣкоторыи повѣствуютъ, что нарочно Хмельницкій оставилъ Козацкое войско, ибо не всѣ ему Козаки повиноватись было стали, инныи же отъ войны съ Ляхами перестати хотѣли, и дѣялося сіе въ лѣто 1651, чрезъ весь Петровъ постъ, а на Соборъ Святыхъ Апостолъ Козаки разбѣглись и обозъ оставили.

XIX.

Повѣсть, что лодъ Бѣлою церьковью Ляхамъ было; и какій миръ былъ съ ними.

Ляхи убо Козацкій обозъ разграбили, и многихъ посѣкши, возвратились до обозу своего; и во утріе устроилъ Король совѣтъ: какъ бы Козаковъ въ конецъ погубити; и совѣтовали нѣкоторыи всѣмъ войскомъ итить на Украину, но Посполитое Рушеніе возроптало, вельми не хотѣли бо далѣе ступать за Козаками, понеже уже и Лядское войско много погибало отъ голоду

и трудовъ и умирали путемъ напрасно; того ради приговорили маршировать обоимъ Гетманамъ съ войскомъ наемнымъ въ слѣдъ Козаковъ на Украину, а Король возвратился до Варшавы съ Посполитымъ Рушеніемъ, но и возвращенное войско Лядское тогда ослабѣвало идучи пустымъ краемъ. И тѣмъ временемъ Хмельницкій пришедъ на Украину паки собравъ Козаковъ пятьдесятъ тысячей, а Татаръ сорокъ тысячей съ Карачь Мурзою, и на Ляховъ готовился; а въ послѣднихъ числахъ Августа пришли Ляхи подъ Паволочь, хотя же имѣли отъ непогоды многіи скорби, но еще и болѣе прибыло имъ печали: ибо которыи Ляхи наищасливѣйшого Гетмана имѣли сего тамъ потеряли славного онаго Князя Іеремѣя Вишневецкого, который продолжая войну съ Козаками тутъ въ Паволочи зложилъ оружіе свое смерти подъ ноги, що Лядское войско за нещасливый знакъ маршу имѣя тѣло его отослали до гробовъ отеческихъ, самы же готовилися въ дальній походъ. А Хмельницкій въ тое время стоялъ съ войскомъ на Масловомъ ставѣ 245), которого якъ бы не убыло ничего подъ Берестецкомъ, такъ ихъ заразъ многоплодная зродила противъ Ляховъ Козацкая мати; и имѣлъ пилное око такъ на Польскіи Гетманы, яко и на Радзивила, который поразивши подъ Лоевомъ Небабу и Горкушу самъ потомъ зави-

талъ 246) въ Кіевъ, гдѣ огнемъ запаливши пустое Подольное мѣсто, (понеже Козаки и мѣщане въ байдаки всѣвши на нихъ къ Черкасамъ и далѣе зъ пожитками повыѣздили) выслалъ седмь коргвей заразъ на подѣздъ зъ вожемъ Анджуломъ; того идучого назадъ зъ добичею тяжкою Козаки напали и поразили и отняли всѣ корысти. О чемъ полныи Гетманы и Радзивилъ почувши подъ Хвастовомъ совокупили свои обозы, оттоль пошли подъ Трилѣси, и тамъ огнемъ и мечемъ повоевали. Въ тое время пришолъ Хмельницкій подъ Ольшанку, а оттоль подъ Бѣлую церковь, гдѣ отнялъ оба берега Роси и городъ около; что услышавши Польскіи Гетманы собрали рады и совѣтовали: что чинить? вкупѣ же и боялись, понеже отъ посылковъ своихъ въ далекомъ разстояніи были и уже зима надходила, а отъ тѣхъ безгодей и войско Польское изнемогало. И по тому усовѣтовали послать Ляховского зъ писаніемъ мирнымъ, призывая Хмельницкого предъ Полковниками; той не отрекъ быти миру, и повелѣлъ Лядскимъ Комисарамъ въ Бѣлой церквѣ явитися, куда по тому и посланны Комисары Кисель, Воевода Браславскій; и Воевода Смоленскій Григорій Грибовичъ; Гонзевскій, Подстольный Литовскій; Косаковскій, Подсудокъ Браславскій; а идучи Комисары чрезъ обозъ Козацкій много утерпѣвали отъ Козаковъ лаяній.

Когда же читаны были пункты предъ чернью о миръ, и дошли до статіи: дабы Козаки Татаръ отступились, и войска дабы было Козацкого токмо двадцять тысячей; нечаянно всталъ ропотъ и крикъ между Козаками: „Чи такъ же Гетмане! берешся за покой зъ Ляхами? бѣды отступаешся, а насъ хочешь Ляхамъ выдати на муки; покамѣстъ то будетъ самъ перьвѣе наложишь головою, гдѣ купно и Ляхи погинутъ;„ и отступили замокъ Бѣлоцерьковскій всѣмъ войскомъ, хотя всѣхъ такъ Комисаровъ какъ и Хмельницкого побити. Увидѣвъ же Хмельницкій такій бунтъ черни выйшолъ съ Виговскимъ и иными Полковниками и едва возмогъ народъ уполити; въ томъ замѣшанью въ окно братское мало не убилъ Киселя стрѣлою Татаринъ. О такой бѣдѣ своей возвѣстили Комисары своимъ Гетманамъ, которыи тогда стояли подъ Германовкою обозомъ, и усовѣтовали всѣ итти дабы свободить Комисаровъ; но прежде какъ не пришли подъ Бѣлую церьковь Гетманы, отпустилъ Хмельницкій Комисаровъ и самъ ихъ провождалъ; когда же проводили обозъ Козацкій, тотъ часъ Козаки и Татары возставши зъ гнѣвомъ на Комисаровъ, разграбили ихъ возы со всѣми достатками и едва самыхъ живыхъ оставили. Сіе видѣвши Польскіи Гетманы переступили подъ Бѣлую церьковь обозомъ, и стали на мѣстѣ, гдѣ

ни воды ни корму не было ихъ конямъ и куповали Ляхи у Козаковъ воду, кварту 247) по ворту, а у Татаръ конямъ пашу; не мощно бо было имъ ни головы выхилити зъ обозу, и были въ тѣснотѣ великой; многіи Лядскіи джури пошедши по воду и за травою пошли въ Татарскіи руки, буде который не заплатилъ головою. Въ томъ Хмельницкій прислалъ двенадсять Козаковъ до Польскихъ Гетмановъ, которыи аки бы ни о чемъ не вѣдая принесли Зборовскіи пакта: „ дабы ни въ чомъ были бы ненарушенныи, и дабы Козацкого войска было сорокъ тысячей и зъ Татарами Козаки дружбы разводити не мышлятъ.„ Того ради Польскіи Гетманы Козаковъ тѣхъ опустивши самы всею силою начали подъ обозъ Козацкій подступовать, гдѣ такожъ Татаре и Козаки противу ихъ вышли и была битва великая; тамо отъ начальнѣйшихъ Ляховъ убитъ Воповичъ. Другого дня послалъ Хмельницкій Посломъ Райтарского, и аки не вѣдая о вчерашней войнѣ, приводилъ Ляховъ къ миру, а въ тое время Козаки и Татаре прибравшеся изъ тиху подъ обозъ Лядскій чрезъ посѣчи подошли и ударили крѣпко, а отъ обозу Козацкого изъ армать огня дали, Татаре же обѣхавши Польскіи полки напали на легкіи хоругви и зломивши ихъ ажъ въ обозъ боемъ угнали; а по семъ обратившися на войско устроенное ударили, гдѣ та-

кожде ажъ до обозу приперли ихъ. Тако день отъ день Хмельницкій трактаты зъ Ляхами продолжалъ наджидая, пока Лядскіи безъ воды и безъ травы ослабѣютъ силы; но въ то время были великіи дожди, отъ того однако начало войско Польское ослабѣвати, уже бо ни конямъ ни войску недоставало корму и многіи умирали, а больныхъ по шалашахъ Лядскихъ безъ числа, которыи же были еще здоровы, тѣ хотѣли оставити обозъ и бѣжати. Козацкое же войско и Татаре въ добромъ стояли мѣстѣ при водѣ и пашѣ; еще же вѣдая Ляхи, что Козацкое умножается войско а ихъ малѣетъ, того ради болѣе примиритися хотѣли нежели Козаки, и скоро токмо прислалъ Хмельницкій ддя згоды, тотчасъ Лядскіи пришли Комисаре. И таковыи того мира пункта постановили: „Войска Козацкого должно быть токмо двадсять тысячъ; Козаки въ Кіевскомъ только воеводствѣ должны жить, но и то по Королевскимъ мѣстамъ; Браславское и Черниговское Воеводство дабы Козаковъ не имѣло, а чернь повинна зоставать изнова въ подданствѣ; бунтовъ Ляхи не споминатимутъ на вѣки; всякіи приходы Панскіи Панамъ изнова отдатися должны. Чигиринъ до булавы Козацкой надлежать имѣетъ; вѣра Руская въ цѣлости и духовенство зоставати будутъ; добра церьковныи, буде кто посѣлъ, отдати дол-

женъ; Шляхта, которая была зъ Козаками при своей чести зостанетъ; Жиды такъ же до своихъ тендліовъ 248) вернутся на Украину; Хана зъ Татарами имѣетъ Гетманъ Козацкій привести Королю до пріязни давной; а естьли бы Ханъ не похотѣлъ Козаки имѣютъ Татаръ отступити; съ посторонними Монархами, Гетманъ Козацкій не имѣетъ трактовать ни о чемъ безъ вѣдома Королевского; Козаки зъ Кракова, Канева и зъ Черкасъ дабы въ Кіевѣ судилися спокойно.„ Якіи пакта Хмельницкій постановивъ зъ Ляхами, взялъ Собіецкого и Потоцкого въ замѣну, и къ Коронному Гетману пошолъ съ Полковниками; гдѣ пріѣхавъ Хмельницкій Гетмана Коронного привитавши 249) зъ обоихъ сторонъ присягою миръ утвердили, который какъ на лѣ̂ду только до грядущого лѣта. И повернулись Ляхи и Козаки въ домы свои здоровы.

XX.

Повѣсть о войнѣ на Батозѣ.

И когда учиненъ миръ былъ подъ Бѣлою церьковью зъ Ляхами, попустилъ имъ Хмельницкій стати и кормитися по за Днѣпромъ и въ Браславскомъ Воеводствѣ, гдѣ Гетманъ Калиновскій (который по новозмерломъ тоей осени Потоцкомъ Гетманъ зъ не-

воли Татарской пришедшемъ сталъ Гетманомъ за универсаломъ Хмельницкому) съ войсками Коронными притягъ на зимовлю въ Нѣжинъ, которыи разправилъ вездѣ по городахъ начавъ отъ Сулы, ажъ въ Стародубовщину за Мглинъ по Литовскую границу; и въ томъ по велѣнію Хмельницкого никакой городъ не могль противитись. Но Ляхи на квартирахъ сурово и немилостиво жити начали съ народомъ прочіимъ какъ бы въ своихъ Княженіяхъ, отяжали людей убогихъ великими податками и малой ихъ ради вины мордерствомъ 250) неслыханнымъ тайно и явно, дабы имъ скарбовыи спряткы обѣявляли огнемъ мучили; и тогда слышно было въ народѣ воздыханіе и горе, а роптаніе на Хмельницкого Гетмана, яко по многой Богомъ данной надъ Ляхами оружіемъ Козацкимъ побѣдѣ Украинскихъ людей паки предалъ въ неволю. Въ такой тѣснотѣ отъ Ляховъ народъ быти увѣдавши Хмельницкій молчалъ, поколь угодное ему ко отмщенію прійдетъ время, и позволилъ народу вольно сходити съ городовъ оставлѣбъ и свои набытки къ Полтавщинѣ, такожъ и за границу въ Великую Россію, дабы тамъ городами осѣдали; и отъ того времени начали сѣдати Сумы, Лебединъ и Харьковъ, Ахтырька и инныи слободы даже до рѣки Дону Козацкимъ народомъ. А самъ Хмельницкій чрезъ тую цѣлую зиму

все терпѣніемъ зносилъ, понеже въ зимѣ войска собрать не возможно было для готовыхъ войскъ на квартерахъ стоячихъ Лядскихъ; ибо и Татаре Ляхамъ стали уже пріязны, а Москвѣ отозвалися явными непріятелями. Потомъ хотя изнова Татаръ себѣ примирилъ, однако отмѣну ихъ пріязни и наибольшее Христіянъ кровопролитіе замыслъ на доброй памяти имѣя, боялся, дабы подъ тое злое время и его кто Ляхамъ не выдалъ, и понеже не вѣрилъ и своимъ. Чего ради являясь Ляхамъ различнымъ, многихъ Козаковъ и по неправедной Лядской жалобѣ самъ за шеи велѣлъ брать и ковать и вязать и имъ выдавать, а инныхъ и на горлѣ карать, дабы тое трудное время какъ ниесть перебувши Ляховъ фортельно 251) уловити. И дождавъ желаемой весняной поры пустилъ голосъ, якобы по повелѣнію Салтановомъ на Москву вскорѣ готуется, повелѣлъ войску нечаянно въ поле за собою выходити, что было Ляхамъ невѣдущимъ его хитрости, вельми чудно; но когда войска Татарскіи до него приспѣли, онъ не идучи войною на Москву послалъ къ Молдавскому Воеводѣ, дабы по давнему уговору отдалъ дочерь свою въ жону сынови его Тимошевѣ; буде же инако, то въ сто тысячахъ войска прійдетъ къ нему въ гостину; и обнялъ страхъ Воеводу и Волоховъ и стали говорить къ Господарю своему: „Чего

единой ради любимой твоей дочери имѣетъ земля наша опустѣвати? ибо за перьвымъ его приходомъ Яссы и прочіи городы въ пепелъ зостали, а нынѣ въ третій уже разъ имѣетъ за малую рѣчь отъ меча погибати, и буде ты по его Хмельницкого хотѣнію сего не учинишь, то мы самого тебе со всѣмъ домомъ для цѣлости своихъ головъ изъ земли нашей ему отдамо.„ И не вѣдая Господарь Волоскій что дѣлать, послалъ къ Королю, дабы учинилъ какое препятствіе тому весѣлью. И послалъ Гетманъ Калиновскій не допустити Хмельницкого сынови итти къ Господарю Молдавскому на весѣлье; Калиновскій же притягъ сталъ на Батозъ зъ войскомъ Польскимъ, гдѣ регулярной три тысячи было пѣхоты, а шесть тысячей конныхъ, опричь охочого войска; и заступили тутъ не допущая Хмельницкому ити до Волохъ по дочерь Господареву; и еще Калиновскій послалъ до войска Польского, которое квартировало въ Нѣжинѣ зъ братомъ его, и по иншихъ городахъ за-Днѣпрскихъ, дабы какъ наискорѣе поспѣшали до боку Гетманского въ обозъ, которое по тому изъ за Днѣпра рушивши въ маршѣ несказанныи кривды людемъ чинили. Хмельницкій же означивши аки бы идетъ ко Днѣстру, написалъ до Гетмана Калиновского со вопросомъ? „Для чого заступовалъ сыну его дорогу? а что онъ

идетъ до Волоховъ, и чтожъ до того кому? Однакожъ ежели отъ Бояръ его что либо худое Ляхамъ прилучится, какъ то обыкло на весѣльѣ бывати, то опослѣ того не имѣлъ бы онъ за зло себѣ.„ Сіе обереженіе Ляхи разумѣючи за лесть и презорство, съ таковымъ весѣльемъ его ожидали готовы, шокмо не вѣдали, гдѣ бы тогда еще былъ Хмельницкій. Такожъ и до брата Калиновского на за Днѣпрью будучого, что войску допустилъ надъ Козаками невымовное ширанство чиниши, послалъ Хмельницкій коня, остригши хвостъ и грыву, изъ шѣхъ волосовъ казалъ сплести веревку, которою оцепивши того коня, даровалъ во знаменіе будущей подлости Калиновскому за тѣ обиды. А между симъ припали Татаре подъ обозъ Лядскій, противъ которыхъ Ляхи изышли съ полмили, а обозъ оставили созади неустроенный и дали битву съ собою, но Татаре отвели Ляховъ подалѣе отъ обозу, а въ тое время Козаки приспѣли и на обозъ ударили и увалилися безъ труда великого; что увидѣвши Татаре и вернувшись ударилижъ на Польское войско, и заразъ Ляхи одни вдалися до обозу, а тутъ Козаки заступили и обозъ запаленъ, другіи до переправы, а тутъ рѣка Бугъ; и начали Татаре Ляховъ сѣкши; самъ Гетманъ Калиновскій сталъ было мужественно съ Пріемскимъ при пѣхотѣ, и Собѣецкій, Староста

Красностaвскій, всѣ лятли отъ шабли на плацу; а которыи побѣгли, тѣхъ всѣхъ поспольство извлекая отъ болотъ по переправахъ забивали нещадно; самому Гетману Калиновскому урѣзавъ голову Татаринъ и на копіи до Хмельницкого принесль; а сынъ Калиновского Самойло отъ Козаковъ бѣжа на мосту у Бобиовцѣ обвалился и утонулъ; и много Пановъ въ той войнѣ позабивано; а другихъ Татаре въ неволю побрали, но и сихъ Хмельницкій повелѣлъ порубити, дабы для дальшого походу и войны не обтяжались Татаре. Хотѣлъ бо Хмельницкій Ляхамъ воздати за Берестецкую побѣду и непомилованіе надъ Козаками, и для того не остался ни единъ отъ того Лядского войска, но всѣ на Батозѣ погибли. Такожъ и по городахъ вездѣ Пановъ и Старостъ, которыи было на маетности свои за другое понаѣздили, поспольство всѣхъ выбило, между которыми и урядника Сосновского зъ жоною и зъ двомя дѣтьми въ Коноиопскомъ замку своеволицы убили, и въ замковый Коноиопскій колодезь вкидали, но опосль уже въ три или въ четыре мѣсяца какъ воды осѣнью прибавилося, оныи трупы въ колодезѣ на верьхъ вышли. Посдѣ той войны пошолъ Хмельницкій подъ Каменецъ Подольскій, а Татаре пошедши въ загоны много людей невинныхъ взяли и въ свои стороны удалилися. О чемъ когда въ Польшѣ вѣсть зашла,

всѣ отъ мала до велика устрашилися зѣло, думали, что Корсунская побѣда на Ляховъ вернулася, и всѣ готовилися за Вислу ко Гданску и къ приморскимъ берегамъ утѣкати. Потомъ Хмельницкій возвратився до Чигирина выправилъ сына своего Тимоша къ Господарю Молдавскому для свадьбы, далъ же и Козаковъ съ двенадсять тысячь конныхъ; и когда Яссей доспѣли, стрѣтилъ ихъ Гофмейстеръ Господарскій, а послѣ и самъ Воевода Молдавскій изышолъ съ своими Боярами и поздоровавшись въ городъ Сщольный вошли и веселилися; гдѣ Воеводянка дѣвка, показуючи свою вольную охоту съ Хмельницкимъ до супружества, велѣла Рускіи пѣсни на своемъ весѣльи дружкамъ дѣвкамъ пѣти. Но на Польскую землю при всѣхъ вышеписанныхъ бѣдахъ тамошнихъ еще и сынове ея востали и Борадъ Зиновскій Сенаторъ отъ Министерства будучи оставленъ, бѣжалъ въ Шведскую землю, а оттуда писалъ ко Хмельницкому увѣщевая: стоять противу Ляховъ крѣпко, понеже-де и Король Шведскій Козакамъ хочетъ быти на помощь.

XXI.

Повѣсть о войнѣ Жванецкой, которая была въ року 1653.

По семъ Хмельницкій выправилъ Посланниковъ до Короля Польского, жалуяся письменно на Гетмана Калиновского, и которыи зъ нимъ были полки, что сыну его идучому къ Господарю Волоскому женитися на дочери его, дорогу препинали и возбраняли земли, травы и воды, которой и самъ Богъ добрымъ и злымъ не возбраняетъ; тотъ же идучи зъ Боярами своими чинно мимо обозъ Польскій зачепленъ, и что тамъ они дѣлали между собою яко весѣльныи люди, просилъ Хмельницкій имъ и себѣ прощенія. Увѣдавши же Ляхи, что Хмельницкій шутитъ зъ нихъ явно, усовѣтовали на такое писаніе ничего не отвѣтствовати отъ Короля, и отошли посланныи Козаки отъ Короля бездѣльно. Но и паки Хмельницкій до Короля писалъ съ прошеніемъ: дабы отпущено ему было, что весѣлье сына его разграбило Лядскій обозъ, какъ то и обыкло на свадьбѣ случатися, и тое вѣрною службою впредь воздати обѣцался, токмо бы прислали Поляки къ нему Коммисаровъ. И посланны были знаемыи Хмельницкому еще отъ войны на Мерлѣ Зацвѣлиховскій и Черпезковъ зъ таковымъ договоромъ: буде Хмельницкій милости и прощенія Королевского похощетъ, то перь-

вѣе Татаръ бы отпустилъ и сына своего Полякамъ далъ бы въ заставу. Хмельницкій разгнѣвався о семъ, и принявся за саблю, сказалъ: не замай-де поругаютеся мнѣ больше Поляки, вѣмъ бо, что всячески ищете мене погубити; того ради не возможно дружбу отложити зъ Татарами, а сынашей дати Полякамъ въ залогъ и паче не льзя, понеже одинъ недавно оженился, и жону оставити тому не возможно, а другій въ возрастѣ дѣтскомъ, которому удалитися отъ родителей трудно; — зъ тѣхъ мѣръ напредъ потребно сіе: дабы утвердилъ перьвѣе Король Зборовскіи клятвою пакты, которыхъ еще ищетъ и саблею доселѣ. Что посмякавши Комисары отъѣхали изъ Чигирина къ Королю бездѣльны. По отходѣ ихъ Хмельницкій въ великомъ попеченіи цѣлость Украины имѣюши, послалъ паки къ Турецкому Царю отдавая оному Украину и Польшу въ подданство, токмо бы далъ ему помочи. Чего ради нѣкоторыи изъ Полковниковъ Украинскихъ на него вознегодовали, именножъ Гладскій, Полковникъ Миргородскій, и Гуляницкій, поносили Хмельницкому, что неразумно чинитъ отъ Христіанского Панства изымая Украину, Турскому же хочетъ свободныхъ людей и вѣру поработити. Такого укоренія не стерпѣвъ Хмельницкій, повелѣлъ Гладскому отсѣкти голову, также и Гуляницкому; Гуляницкій же въ монастырѣ скрылся.

О семъ нееединомыслiи Король извѣстився, командировалъ Чернецкого зъ войскомъ на Украину воевати, которыи пришедши перьвѣе Иллянецъ, Липовецъ и Погребища огнемъ и мечемъ опроверглъ и инныи многiи села. О чемъ когда вѣстно Хмельницкому учинилося, тотъ часъ послалъ Богуна зъ войскомъ противъ Поляковъ и къ Монастирищамъ, тдѣ Чернецкiй пришедши облягъ Богуна крѣпко и тамъ какъ сталася война, убито Грожденского Сотника; но и отъ Польского войска многи побиты, и самому Чернецкому зъ мушкета лице скрозь прострѣлено. Между тѣмъ Богунъ выбравъ Козаковъ нѣсколько добрыхъ и въ одежду Татарскую нарядивъ заславъ отъ Поляковъ отъ поля, которыи когда крикнули голосомъ Татарскимъ, зразъ спужалися Поляки, помышляя: что Татаре пришли Козакамъ въ помощь, и не токмо отъ Монастирищъ отступили, но и изъ Украины побѣгли прочь, обозъ ввесь Козакамъ со всѣми корыстьми оставивши. Въ той годъ преставился Воевода Кiевскiй Адамъ Кисѣль идучiй отъ древняго и славного рода Святолда, бывшаго въ лѣто 1128 Руского Гетмана, мужъ благочестивъ и вѣры Греко-Руской великiй споборникъ, въ словахъ сладокъ, Украинѣ пріятель. Въ тотъ же годъ Тимошъ Хмельниченко ходилъ зъ войскомъ Козацкимъ на Волохи, а причина тому была таковая: Радулъ, Воевода Мултянскiй,

зѣ Ракочемѣ, Княземѣ Венгерскимѣ, посланное войско изгнали тестя Тимошева зѣ Волоского Господарства; се же того ради, что Тимошѣ будто еще на весѣлѣѣ своемѣ говорилѣ: мы-де подкупимѣ у Порты Оттоманской Мултянского Господаря и пріймемѣ подѣ свою державу, да нехай-де бережется Князь Венгерскій. И за сію причину когда изгнали тестя Тимошева, Тимошѣ сѣ седмью тысящами войска, имѣя зѣ собою Полковника Николая Ѳедоровича до Ясей пришолѣ и всѣхѣ, которыхѣ нашолѣ отѣ войска Венгерского и Мултянского мечемѣ посѣкше, посадилѣ тестя своего на Господарствѣ по прежнему. Но по семѣ Радулѣ и Ракочій укрѣпившеся Тимоша побѣдили, и Василія Воеводу зѣ Господарства Волоского паки зогнали; Тимошѣ же вшедѣ зѣ Козаками и Господаринею Волоскою, тещею своею вѣ замокѣ Сочавскій затворился, которого Радулѣ и Ракочій и Поляки добивали накрѣпко и много погинуло людей отѣ обоихѣ сторонѣ. Между тѣмѣ зѣ Божьего допущенія ударенѣ Тимошѣ Хмельницкій зѣ гармапы вѣ ногу и умерѣ отѣ тоея раны, и начало смятеніе межѣ Козаками, которыи хотѣли городѣ Сочаву предати Венграмѣ, другіи же до смерти противитися велѣли; но Господариня женскую немощь оставя мужественно стала, и всѣхѣ увѣщевала, дабы стали крѣпко; послѣди же видѣвши, что ни от-

куду помощи не получатъ, затвердились договоромъ и клятвою, смирилися Полякомъ и Венграмъ и городъ Сочаву отдали имъ со всѣмъ богатствомъ, самы же отошли цѣлы на Украину и тѣло Хмельниченково зъ собою привезли; такожде и Мольдельницкого Ротмистра, который проводилъ ихъ къ Королю связавъ къ Хмельницкому привели. Хмельницкій же за смерть сына своего мыслилъ какъ бы воздати Ляхамъ, и когда собрався зъ войсками многими, пустилъ вѣсти, что будто не знаетъ о смерти сына своего, ни о взятіи Сочавы, и аки бы туды итти хочетъ своимъ въ помочь, и сею лестію увелъ Короля и Поляковъ подъ Жванецъ; мѣсто же то было скудное на все, и протягъ не малое время, наджидая, покамѣстъ Поляки отъ голода и мраза начнутъ изнемогати. Король бо, хотя Хмельницкому до Волохъ путь возбранити, сталъ на Жванцѣ и о Хмельницкомъ, гдѣ былъ, не вѣдалъ. Тогда Хмельницкій зъ Ханомъ пришли подъ Польское войско безнадежно и оступили крѣпко, что не возможно было Полякамъ изъ обозу и головы поднести; начался голодъ въ Польскомъ обозѣ, отъ чего изъ пятнадсяти тысящъ пѣхоты Польской четыре тысячи только осталося; такожде и конного войска многое число отъ голода и отъ меча погинуло. Видѣвъ же Король себе въ бѣдѣ толикой, началъ Хана про-

сити и награжденіе обѣщевать, дабы пересталъ воеваши; но Ханъ, пока не удоволятъ его серебромъ за труды и Зборовскіи пакпы Козакамъ не утвердятъ кляшвою, не хотѣлъ сабли въ пахвы вложити. Тогда Поляки и неволею на все соизволили, и давши въ закладъ Хану Сенаторовъ двохъ: Ланцкоронского, Воеводу Руского и Осолицкого Подкоморого Сендомирского, едва зъ ушима возвратилися до Польши. Такъ убыточна была война Полякамъ подъ Жванцемъ, что десятерично приняли за Берестецкую надъ Козаками побѣду.

XXII.

Повѣсть: чего ради Хмельницкій подался Великому Россійскому Монарсѣ на войнѣ Дражилольской, року 1654.

И взявши Ханъ отъ Короля двухъ Сенаторовъ въ окупномъ залогу подъ Жванцемъ, когда ворочался до Крыму, не былъ доволенъ тѣмъ, но еще пустилъ загоны Татарскіи въ Польскіи краи, гдѣ отъ Припети и Ирпеня и далѣе безъ числа людей бѣдныхъ въ полонъ взялъ; зъ самыхъ Шляхетныхъ домовъ пять тысячъ дѣвъ и служанокъ пошло въ бесурманскіи руки; тамо было жонъ обруганіе, дѣвокъ разтлѣніе, без-

милосердное связаніе, голодомъ и жаждою мученіе; тамъ же на Косовского весѣлью множество Шляхты, Свашекъ и Паненъ шляхетскихъ зъ музыкою стройною и совсѣмъ весѣльнымъ приборомъ погнано въ Татарскую неволю; но и самъ Ханъ на Украинѣ мимоходомъ изъ многихъ селъ и городовъ однихъ во плѣнъ взялъ, другихъ мечемъ велѣлъ рубати, хотѣлъ бо и Козаковъ симъ образомъ погубити; перьвѣе принудити ихъ зъ собою мыслилъ итить на Москву войною, чтобъ тѣмъ раздражить Москву на Украину, зъ котораго послѣди Татаре и Поляки отъ трехъ сторонъ вставшибъ Украину до остатку разорили, а на конецъ мыслили самы Татаре снявшися съ Поляками чтобъ Москву или въ подданство себѣ взяти или разорити, Богомъ укрѣпленное тое Царство, и такъ свое Астраханское паки бы въ перьвое привести могутство. Богъ же запиная лукавыхъ въ коварствѣ обратилъ и поставилъ какъ ему угодно: ибо аще и прежде Хмельницкій зналъ оной конецъ, яко Татаре даютъ ему помочь, поне себѣ ищутъ болѣе корысти отъ обоихъ сторонъ, нежели Христіянамъ, которымъ природны суть вороги; да и о томъ Хмельницкій давно извѣстенъ былъ, что Ханъ прирекъ Коронѣ слово паки Польшѣ покорити Украину: того ради посовѣтовавъ зъ

Старшиною генеральною и зъ Полковниками своими послалъ нарочито къ Великому Государю Царю АЛЕКСІЮ МИХАИЛОВИЧУ всея Россіи, Григорія Гуляницкого, и по томъ другихъ, возвѣщая о своемъ намѣреніи. И прислалъ Его Царское Величество ближняго Боярина и Дворецкого Василія Василіевича Бутурлина, съ иными Боярами и многими старшинами и дворянами въ великихъ послахъ до Гетмана Хмельницкого и всего войска Запорожскаго для постановленія: на какихъ вольностяхъ Украина Малороссійская имѣетъ зоставаши подъ Высокодержавною Его Царскаго Величества рукою? И для того Хмельницкій зъ Генеральными Особами и Полковниками и Старшиною Полковою и Сотниками и Атаманами на Богоявленіе Господне въ Переяславль пріѣхалъ, и тамъ совѣтъ учинивши, всѣ Полковники и всѣ при ихъ бывшіе позволилися быти подъ единовѣрнымъ себѣ Монархою: Его Величествомъ Государемъ Царемъ Московскимъ, а не подъ Королемъ Польскимъ Римскія вѣры, такожъ и Татаромъ отказати; и на томъ Гетманъ Хмельницкій со своими Генералами и Полковниками и со всѣмъ войскомъ року 1654. января присягу учинили; пребогатое жалованье Царское соболями и прочими дары такожъ и знамена войсковыи приняли, и по всѣхъ полкахъ Сотольниковъ, придавши

имъ Козаковъ, разослали: дабы такожъ Старшина градская, Духовенство, Козаки и все Поспольство Царскому Величеству на вѣрность присягли; что по обоихъ сторонахъ Днѣпра во всей Украинѣ всякая душа съ охотою здѣлали и потому всѣ были надежны подъ единовѣрнымъ себѣ Монархою тихомирнаго житія и всякаго добра. Что Божіимъ поспѣшеніемъ и всего Малороссійского народа благоволеніемъ окончивши и великихъ Пословъ Его Царскаго Величества съ подобающею честію отпустивши, Хмельницкій приказалъ отъ себе и отъ всего войска до Царскаго Величества написати граммату и послалъ чрезъ нарочныхъ посланниковъ а именно: чрезъ Самуила Богдановича, Судію Генерального и Павла Тетеру, Полковника Переясловского, съ товарищи, которой копія се есть:

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ Гетманъ Войска Запорожского низко до лица земли челомъ бьемъ.

Отъ многихъ лѣтъ многочестнѣйшій Богданъ Хмельницкій войска Запорожского, и все войско Запорожское, борющееся съ Ляхами, нашествія ихъ за помощію Божіею отражахомъ, и искахомъ граммотами и посланниками нашими, у Пресвѣтлаго Лица благочестиваго Царя Твоего Царскаго Вели-

чества челобитствующи и молящи: дабы намъ единовѣрнымъ быти подъ крѣпкою и высокою Твоего Царскаго Величества державою. И нынѣ Богъ неизреченными своими судьбами двое се сотворилъ: Ляховъ, нашихъ враговъ, гордыню низложилъ, и совѣтъ благъ въ сердце Царево подалъ, что Твое Царское Величество поревновавъ по вѣрѣ православной ожалѣлся о церьквахъ Божіихъ и о мѣстахъ Святыхъ и о народѣ единовѣрномъ, и насъ Богдана Хмельницкого Гетмана войска Запорожского и все войско Запорожское единоплеменныхъ Россіянъ изволилъ подъ крѣпкую и высокую свою руку Царскую милостиво приняти. И егда ближній Твоего Царскаго Величества Бояринъ и Намѣстникъ Тверскій Василій Василіевичь Бутурлинъ и Окольничей и Намѣстникъ Муромскій Іоаннъ Василіевичь Алферіевъ, да думной дьякъ Ларіонъ Димитріевичь Лопухинъ по указу Твоего Царскаго Величества съ грамашою къ намъ пріѣхавши, милость неищетную Царскую намъ возвѣстили, и знамена войсковыи и жалованье великое Твое Царского Величества намъ отдали, и разговоръ пространный о всякихъ дѣлахъ съ нами учинили, и симъ неизреченно насъ обрадовали, и въ то время Мы Богданъ Хмельницкій, Гетманъ войска Запорожского и все войско Запорожское и весь народъ въ горо-

дахъ и селахъ и деревняхъ начальные и черны непорочно Христа Бога нашего заповѣди послѣдующе (по добромъ воистинну не нуждномъ изволенію, избранію нашему ни что же лукаво въ сердцѣ своемъ имущи) Тебѣ Великому Государю Царю и Великому Князю АЛЕКСІЮ МИХАИЛОВИЧУ, всея Россіи самодержцу, Твоему Царскому Величеству вѣру совершенную учинилисьмо, и ни якового извѣту имѣлисьмо о Царѣхъ окреспныхъ, которыи искали насъ себѣ присовокупити; мы бо нерадѣвши объ нихъ яко иновѣрныхъ вседушно Тебе единого благочестивого великого Государя Царя нашего и всѣмъ сердцемъ и силою и помышленіемъ прилѣпились къ Твоему Царскому Величеству. Сего ради благонадежно дерзаемъ, да еже аще что просити у Тебе Великого Государя нашего Твоего Царского Величества учнемъ, всячески вѣровахомъ получити, якъ намъ той же ближній Твоего Царского Величества Бояринъ зъ товарищи обѣщалъ, и на той вѣрѣ насъ непоколебимыхъ утвердилъ. Для того посланниковъ нашихъ Самуила Богдановича, Судію Войскового, и Павла Тетеру, Полковника Переяславского зъ товарищи къ пресвѣтлому лицу Твоего Царского Величества зъ сею граммотою нашею отпускаемъ и просимъ: дабы имъ Твое Царское Величество праведныи свои очи пока-

зати и милостивое ухо приклонити изволилъ, и моленій нашихъ не презрѣлъ, и о чемъ они начнутъ молити изволь ихъ Твое Царское Величество выслухати милостиво, и Насъ Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского со всѣмъ народомъ Россійскимъ, духовныхъ и мірскихъ людей во всякихъ чинахъ сущихъ, и имѣнія, елико кто имѣяше отъ вѣковъ, отъ Князей и Пановъ благочестивыхъ и ихъ Королей Польскихъ въ Государствѣ Россійскомъ наданныхъ, о нихъ же мы кровь свою проливаемъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ тія содержащихъ, и до упаденія не допущающе, до лица земли падше попремногу просимъ: изволь Твое Царское Величество своими граматами Государскими укрѣпити на вѣки; таково бо слово то же намъ ближній Твоего Царского Величества Бояринъ зъ товарищи обѣщалъ; „и большее сихъ, рече, дѣлъ отъ Великого „Государя одержите неже отъ Королей „Польскихъ и Княжатъ древнихъ Россій„скихъ, точію челомъ бійте и вѣрно слу„жите„. Вторицею убо и третицею до лица земли Твоему Царскому Величеству припадающе молимся: дабы намъ вся сія, елико просимъ и проситі будемъ впредь, получити отъ Тебе Великого Государя нашего Твоего Царского Величества, что бы мы Богданъ Хмельницкій Гетманъ Войска

Запорожского и все войско Запорожское и народъ Россійскій во всякомъ чину сущій о неищетной милости Твоего Царскаго Величества обрадовались и къ Тебѣ Великому Государю нашему Твоему Царскому Величеству усердно пріяли и вѣрно служили, на всякіи враги ополчалися и кровь свою проливали, и точію по Бозѣ единому подъ солнцемъ благочестивому Монарсѣ Твоему Царскому Величеству служили въ роды и роды до вѣка; а Твое Царское Величество подъ кровомъ крилу своею яко орелъ гнѣздо свое изволишь покрывати, и насъ вѣрныхъ подданныхъ своихъ милостію своею отъ всѣхъ враговъ вооруженною рукою наступающихъ и насъ Своими Монаршими силами защищати и обороняти, и навсегда по милости Своей сохраняти. Ей! паки просимъ множайшая въ граммать не суть писана, но больше Вашему Царскому Величеству посланники наши изрекутъ, а мы себе въ глубокую и неизреченную милость Твоего Царского Величества повергши на вѣки Господа Бога молимъ, дабы Ваше Царское Величество на пресвѣтлыхъ престолѣхъ пресвѣтлого царства Россійского многолѣтствовалъ и благополучно долгоденствовалъ, а всѣхъ Царей земныхъ подручными себѣ сотворилъ, отъ нынѣ и до вѣка усердно желаемъ. Писано въ Чигирину; февраля 17:

1654 году: — а вѣ низу написано: Вашему Царскому Величеству прямыи подданныи, нижайшіи, вѣрныи слуги,

Богданъ Хмельницкій Гетманъ зъ войскомъ Вашего Царского Величества Запорожскимъ.

Которыхъ Хмельницкого пословъ, Судію Генеральнаго и Полковника Переясловского Великій Государь принявши милостивно, далъ всему Войску Малороссійскому на вольности всякіи Козацкіи милостивую свою Монаршую и зъ завѣсистою печатью грамату; и статьи въ четырнадсяти пунктахъ утвердилъ; а именно: дабы Козаки при всякихъ добрахъ ихъ и вольностяхъ своими правами судилися, а что бы ни Бояринъ ни Воевода ни Стольникъ (которыи будутъ токмо въ Кіевѣ да въ Переясловлѣ) не мѣшалися, но отъ своихъ старшихъ и товариства суждены бы были: гдѣ при человѣка Козаковъ тамъ третьего должны два судити; и имѣній Козацкихъ и земель ни кто бы не отбиралъ, которыхъ пожитки не токмо при Козакахъ но и по смерти ихъ при вдовствующихъ женахъ и дѣтяхъ вольны былибъ, какъ при предкахъ и отцахъ ихъ, ненарушая ни въ чемъ правъ отъ Князей Рускихъ и Королей Польскихъ духовнымъ и мірскимъ наданныхъ. Митропо-

литу Кіевскому со всѣмъ Малороссійскимъ духовенствомъ быть подъ благословеніемъ Святѣйшаго Патріарха Московскаго, а въ права ихъ духовныи Святѣйшій Патріархъ вступатися не будетъ. Во всѣхъ городахъ и при магистратахъ, изъ Малороссійского народа былибъ войты, бурмистры, райцы, лавники и прочіи урядники, и управлялибъ пахатными людьми, зъ которыхъ (опрочь Козаковъ) зобиралибъ денежные и хлѣбные на Государя доходы, изъ того денежного збору давать на шестьдесять тысячъ Козаковъ по три рубля въ годъ плату, а Гетману въ годъ тысячу червонныхъ золотыхъ, и городъ Чигиринъ со всѣмъ уѣздомъ въ подданство; такожъ Старшинъ Генеральной и Полковникамъ, Старшинъ Полковой и Сотникомъ и ихъ Хорунжимъ годовую плату по чему; на армату войсковую и для удовольствованія пушкарей и инныхъ служителей городъ Корсунь со всѣмъ повѣтомъ. Гетману Пословъ и Посланниковъ и гонцовъ изъ окрестныхъ Государствъ не принимать, но отсылать ихъ до Царского Величества; такожъ и отъ себе безъ указу Его Величества Пословъ въ посторонніи Государства не посылать, развѣ по повелѣнію. Съ Крымскимъ Ханомъ Гетману не зсылаться, опричь чтобъ миръ съ нимъ имѣть для того дабы Татаре и Гуляки Нагайскіе Малой Россіи

войною не нападали и не разоряли, и людей въ неволю не брали. А буде судомъ Божіимъ случится Гетману смерть, то вольны Козаки между себе Гетмана по давнему обычаю Войсковому изобрати и Царскому Величеству вѣстно учинити; которому новому Гетману Царское Величество повелитъ предъ Свои Пресвѣтлые очи быть, и пожалуетъ Гетмана булавою и знаменемъ и на Гетманствѣ утвердитъ Своею Монаршею граматою... На которыи всѣ пункта ясно Гетману и Старшинѣ, такъ и всему Войску и Поспольству выданныи привилегіи отъ Царского Величества съ печатьми завѣсистыми на вѣчныи времена непоколебимы.

О таковомъ Хмельницкого и всего Войска Запорожского къ Великому Государю подданствѣ, Король и Ханъ увѣстившися, учинили межъ собою зговоръ, дабы Москву и Козаковъ огнемъ и мечемъ воевати. О чемъ когда Хмельницкій Великому Государю донесъ, тогда Великій Государь повелѣлъ Войскамъ своимъ Московскимъ Великороссійскимъ съ Бояриномъ Шеинымъ и Хованскимъ въ Литовскіи ступить краи; а Боярина Василія Василіевича Бутурлина съ многими войсками выслалъ до Гетмана Хмельницкого; такожъ и Гетманъ послалъ изъ своего Войска Козацкого до Царского Величества подъ Смоленскъ полки Нѣжинскій и

Черниговскій, при которыхъ позволено во всѣхъ полковъ къ охочему войску ишить такъ много, что оныхъ на осмь полковъ раздѣлено надъ которыми учиненъ Гетманомъ наказнымъ 252) Иванъ Золотаренко, и дано ему булаву и бунчукъ и армать не мало, и приказалъ дабы до Царского Величества отъ себе послалъ подъ Смоленскъ какого искусного командира съ войскомъ, а самъ бы мѣшкалъ коло Гомля и Быхова, что бы не ишли жолнере на Государевы войска подъ Смоленскъ на отсѣчь. И пришелъ Золотаренко подъ Гомель, гдѣ заставши не малую часть жолнеровъ Литовскихъ, осадилъ, и выправилъ брата своего до Его Царского Величества подъ Смоленскъ съ Козаками, которыи предъ Лицемъ Его Монаршимъ во время атакованія, ажъ на верьхъ муровъ Смоленскихъ по лѣствицамъ взбѣгли и отъ Нѣмцовъ и Поляковъ зъ города збиваны, и многіи въ городъ наскакавши побиты зостали; якую отвагу Ихъ Царское Величество Самъ увидя, вельми оныхъ улюбилъ и повелѣлъ быть до Себе подъ Смоленскъ самому Наказному Гетману Золотаренку, который доставши Гомель и Новый Быховъ и инные многіе городы до себе подгорнувъ и Войскомъ Козацкимъ опричь Старого Быхова осадивъ, а въ Новомъ Быховѣ всѣ свои Войсковіе тяжари и запасы и вой-

ско оставилъ, самъ въ не маломъ Козаковъ числѣ у Царского Велнчества подъ Смоленскомъ былъ; подъ которое время и Смоленскъ взятъ. Оттуду Царское Величество Воеводу Смоленского Глѣбова со всѣми жолнерами Польскими въ цѣлости отпустилъ въ Литву, а Смоленскъ своими людьми осадилъ, и повернувъ на зиму до Вязьми, понеже на Москвѣ моровая язва была; а Золотаренка Егожъ Царское Величество ударствовалъ, и онъ съ Козаками въ Новомъ Быховѣ зимовалъ, гдѣ притягнувъ Гетманъ Литовскій Радзивилъ, доспавалъ Золотаренка; но тамъ великую шкоду отнесши, а Старый Быховъ съ людьми военными осадивши, пошолъ въ Литву. Такожъ и Хмельницкій съ войсками своими и Великороссійскими подъ фастовымъ стоялъ; и прислано былъ Козакамъ жалованье копѣйками золотыми, изъ которыхъ всякая копѣйка важила четверть червонца; тогожъ времени и мѣдныи копѣйки были даны, которые равною цѣною съ сребными шли; такожъ и таляры битые подъ печатію царскою давано. Опослѣ тогожъ году Государь пошолъ далѣе въ Литву, имѣя при Себѣ Козаковъ съ Золотаренкомъ въ помощи.

А противо Государскимъ войскамъ Радзивилъ вышолъ, но надъ рѣкою Трезимою подъ Шиловомъ, когда битва учинилась,

тотчасъ Великороссійскіе войска Радзивила съ Литвою побѣдили и прогнали. И тако Великій Государь больше двухъ сотъ городковъ взялъ Литовскихъ; Вишепскъ и Збекль и Вильню раззорилъ, и возвратившися на Свой Престолъ Царскій, тогда началъ титуловатися Великія Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ. Козаки же будучи съ Золоторенкомъ при Государѣ въ Литвѣ премногой добычи набрали, подъ Старый Быховъ подступили, гдѣ самого Золотаренка Гетмана, противъ Ляховъ выѣхавшаго, на поединкѣ съ мушкету убито; котораго тѣло какъ припровожено до Корсуня, то подъ часъ погребенія оного церьковь тѣмъ же Золотаренкомъ сооруженная съ ченцами съ попами и со всѣмъ народомъ и мертвымъ его тѣломъ згорѣла.

На Украинѣ же Богуръ Полковникъ, хотячи Ляховъ обольстити, послалъ до полного Гетмана, яко бы желаетъ своимъ войскомъ Полякамъ поддатися, которыи потомужъ могли въ маломъ числѣ пріити къ нему и онъ бы ихъ побилъ.

Гетманъ убо Польскій пришолъ подъ Межибожъ и ставъ обозомъ, послалъ къ Богуну: что хочетъ дѣлати? Богунъ же поджидалъ своего войска, хотя на него наступити, что бача Гетманъ совокупилъ какъ найскоряе войско и пошолъ надъ Кальникъ,

тдѣ не обрѣтъ Богуна, пришолъ за нимъ до Умани и ударилъ на городъ крѣпко; но ни чего не успѣлъ; ибо много войска Польского побито тамъ, такъ что и неволею со стыдомъ Гетманъ вспять возвратился.

Въ то же время Король Польскій учинивши союзъ братерства съ Хаономъ Крымскимъ послалъ ему дары сто тысячь золотыхъ, и призывая его на помощь противу Козаковъ и Москвы, но посланный уже не засталъ въ живыхъ Хана, котораго яко бы невольница нѣкоторая Украинская, отраву давши ему въ винѣ, умертвила, по наговору Хмельницкого; однако и по смерти Исламъ Гирея Хана Татаре съ Мигле Гиреемъ, новымъ Хаономъ, пришли Ляхомъ на помощь и повоевали Украину; напротивъ которыхъ послалъ Хмельницкій наказнымъ Гетманомъ Томиленка, но оного Татаре и Ляхи побѣдили. Полковники же Зеленскій, Браславскій; Богунъ, Вѣнницкій; Гоголь, Поднѣстрянскій съ Козаками въ Умань вошли, гдѣ и Поляки съ Татары облегли было крѣпко, а послышавши яко Хмельницкій съ Москвою и Козаками идетъ своимъ въ помощь, оставляя Умань, противу Хмельницкого всѣ войска Польскіи и Ташарскіи подвигнули и между Сташищами и Окснатовомъ въ полѣ осадили ихъ (которое опослѣ Дрижиполемъ прозвано) и не дали Хмельницкому совокупится

ни которымъ войскомъ, но малое число Козаковъ не надежно напали, и въ обозъ Козацкій увалилися, армапы опняли было. Но Козаки укрѣпившися изнова Ляховъ и Татаръ оглоблями изъ саней тако поразили, яко побитыми и замерзлыми трупами Лядскими аки валомъ обозъ свой обложили, и была въ той день баталія знатная даже до ночи; однако же войско Козацкое тогда въ тѣснотѣ великой оставалось, понеже ни воды, ни дровъ, ни конямъ паши не имѣли, токмо съ мразомъ снѣгъ всѣмъ свободной, но и сей съ кровію смѣшанъ былъ. Ибо въ той битвѣ больше пятнадсяти тысячъ людей въ одномъ дни пало. Во утріе же знова Ляхи и Татаре съ Козацкимъ войскомъ въ брань вступили и весь день той воевали и падали безчисленные отъ меча и огня зъ обоихъ сторонъ до изнеможенія, доколь всѣхъ ночь обняла; однако преодолѣвали Козаки Ляховъ яко отъ пѣшого войска Польского мало что осталося; понеже Ляхи всею силою на Хмельницкого налягали и Татаръ подкупомъ и обѣщаніями принуждали, надѣясь что когда бы его со всѣми войсками не совокупившогося разбили и самого жива взяли, то бы былъ войнѣ конецъ. Но Хмельницкій третьяго дня видѣвъ, яко Поляки и Татаре около его уже ступили, устроя обозъ свой чинно и крѣпко и пустився на

Ляховъ проломомъ, отвагою неслыханною, и проломилъ Польское войско, пошолъ къ Великороссійскимъ войскамъ не въ дальности стоящимъ, и не возмогли Ляхи Хмельницкому ни чего здѣлати, ибо онъ добился до Бѣлой Церькви а зъ Окматова свободивши пѣхоту зъ Пушкаренкомъ и зъ нимъ совокупившися подъ Руки пришолъ и тамо полковъ пять Козацкихъ заставъ; и за приходомъ изъ Умани еще Козаковъ, хотѣлъ за Ляхами пойти знова, но увѣдавъ что и Ляхи уже во свояси отышли, оставилъ марши, и свое войско расположилъ на великій постъ по становищехъ до весны. Татаре же принуждали Поляковъ итти зъ ними ко Днѣпру для полону, но Ляхи утрудившися войною позволили имъ самимъ на людей Украинскихъ, которыи имъ поддавалися, въ неволю брати, за нагороду помочи; и тако бесурману Христіянскими людьми за услугу платили. Изъ сего Лядского немилосердія стали Козаки противнѣйшіи и велѣли лутче всѣмъ на войнѣ отъ меча полягти нежели повернувшися Ляхамъ поддаватися.

Продолженіе впредь.

Продолженіе изъясненія.

216. Шинкъ или шинковый дворъ. Питейной домъ. Шинковать горячими напитками торговать. Шинкарь винопродавецъ вина горячаго.

217. Гублю. Теряю.

218. Верхняя одежда Малороссійская зовется Кунтушъ или Черкеска; нижняя: кафтанъ.

219. Мажа: большая телѣга, волами запрягаемая.

220. Голосно, громко.

221. Драбына: лѣзтница. Котвица, якорь. Отсѣчь, оттопръ, тутъ значитъ вспоможеніе.

222. Ночною добою, въ ночное время.

223. Дуже: очень; весьма; сильно. Дужій, сильный, крѣпкій. Не дужій, слабый и больный.

224. Стрежъ. Осторожность. Послухъ. Разсыльщикъ, развѣдывальщикъ.

225. Комонники были легкія конныя войска; кои послѣ названы охочекомонные; а потомъ компанѣйскіе.

226. Подручный. Подданный.

227. Всходъ, востокъ. Всходный, восточный.

228. Застава а) закладъ, б) аманатъ, в) пограничная стража.

229. Годую кормлю.

230. Шукаю ищу.

231. Чую слышу; предусматриваю.

232. Трактъ. Большая дорога.

233. Намова наговоры.

234. На гарма—тѣ держалъ. Въ малой Россіи важнѣйшимъ наказаніемъ считался стыдъ; а таковый былъ; когда кого заставятъ сидѣть на пушкѣ. Еще въ 1762 году, было сіе обыкновеніе.

235. Ледви; Ледво. Едва.

236. Смута: ссора; не согласіе.

237. Руговати. Измѣстить. Руга, помѣстье.

238. Злецаю. Препоручаю.

239. Збавити. Извести.

240. Однимъ попасомъ. Не кормя лошадей.

241. Еднаніе. Согласіе, примиреніе. Еднаю примиряю.

242. Барзо весьма.

243. Згода согласіе. Не з года, несогласіе. Згодитися согласиться.

244. Лажу: соглашаю, согласно живу.

845. Ставъ. Прудъ, то есть запруженная рѣка плотиною; прудъ же въ саду: сажалка.

246. Завитать. Зайтить.

247. Кварта. Штофъ. Вортъ: ортъ, три копѣйки стоилъ;

248. Гендлюю и гандлюю. Торгую. Гендли торги.

249. Витаться. Цѣловаться. Привитавши. Поцѣловавши.

250. Мордую мучу. Мордерство мученіе.

251. Фортель. Уловка; хитрость; обманъ.

252. Наказный: за урядъ.

Продолженіе впредь.

Ѳ. Т.

Исп D 255

Сего Магазина, содержащаго единственно отечественныя свѣдѣнія, вышло уже съ Сентября прошлаго по Маій нынѣшняго года девять мѣсяцевъ и слѣдственно теченіе перьваго года вскорѣ кончится. Продолженіе теченія сего составитъ: теченіе втораго года, считая съ 1. Сентября 1793. года по 1. Сентября 1794. года. Съ нынѣшняго времени приемлется подписка и на теченіе втораго года таковымъ образомъ: кто подписался на теченіе перьваго года вноситъ за вторый: здѣшніи 6. руб: иногородный съ пересылкою 8. руб: кто же на теченіе перьваго года не подписывался, тотъ за два года взнести можетъ: здѣшніи 12. руб: иногородный съ пересылкою 16. руб. Подписка приемлется здѣсь 3. Адмиралтейской части 5. квартала въ большой Коломнѣ надъ самымъ Екатерининскимъ каналомъ въ каменномъ угломъ домѣ подъ N. 1226. во второмъ ярусѣ по утру отъ 7 до 9. по полудни отъ 2. до 4. часовъ; Въ Москвѣ противъ Петровскаго Театра у Г. Клавдія, продающаго и прочія книги. Иногородные благоволятъ отзываться со вложеніемъ денегъ или прямо къ Издателю Россійскаго Магазина или въ Санктпетербургскій Почтъ-Амтъ. Кто здѣсь или изъ иногородныхъ или изъ Г. Почтъ-Мейстеровъ потребуетъ вдругъ десять экземпляровъ, таковому доставляемъ будетъ одиннадсятый безденежно. Для подписавшихся продаются досели вышедшія Россійскаго Магазина книжки по слѣдующимъ цѣнамъ: Сентябрь 90. коп. Октябрь 85. коп. Ноябрь 85. коп. Декабрь 85. коп. Январь 90. Февраль 1 руб. 20. коп. Мартъ 95. коп. Априль 1 руб. Маій 90. коп.

D. 4 1986
D.N. 2017 E hf

7/39а 1793
ч. 2
М/ф
кн. 3(5)
Май